

18+

Чель Э. Генберг

ОПАСНЫЕ СТРАНСТВОВАНИЯ

Перевод с шведского
Евгения Шараевского

Чель Э. Генберг
Опасные странствования.
Исторический
авантюрный роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64771512

ISBN 9785005355218

Аннотация

ОТЧЕГО ЗАТОНУЛ ШВЕДСКИЙ КОРАБЛЬ «ВАСА»? Ответ на этот вопрос кроется в этом насыщенном приключениями романе. Нам предлагается проследить за странствованиями молодого шведского парня Дагвинда Мартинссона – фельдшера на корабле «Васа», шпиона короля Густава II Адольфа, матроса на паруснике голландской Ост-Индской компании, жертвы кораблекрушения на негостеприимном необитаемом острове, командира на британском военном корабле в насыщенной порохowymi газами морской битве с пиратами и каперами...

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава первая	10
Глава вторая	26
Глава третья	51
Глава четвертая	69
Глава пятая	85
Глава шестая	96
Глава седьмая	108
Глава восьмая	122
Глава девятая	129
Часть вторая	138
Глава десятая	138
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Опасные странствования Исторический авантюрный роман

Чель Э. Генберг

Переводчик Евгений Шараевский

Корректор Сергей Барханов

Дизайн обложки Александр Грохотов

© Чель Э. Генберг, 2021

© Евгений Шараевский, перевод, 2021

ISBN 978-5-0053-5521-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Швеция

Пролог

Дети, игравшие в саду, не могли удержаться, чтобы время от времени не взглянуть на старика с седыми волосами, сидевшего на дамбе.

Старик был весь изломан и согнут и казался детям немного странным. Он постоянно рассказывал о своих путешествиях по морям-океанам, о страшных битвах, из которых его корабль всегда выходил победителем.

Когда дети были поменьше, они верили каждому его слову, но постепенно они выросли, сами уразумели кое-что о жизни и стали подвергать сомнению рассказанное. Хотя они никогда не осмеливались спросить своих родителей, можно ли ему верить. Это было бы неделикатно и могло повлечь за собой наказание.

Никто не сомневался в том, что старик был странным. Вот сидит он в бледном солнечном свете с пледом на коленях и возится со своими корабликами. Он всегда играет, хоть и такой старый. Это было так странно.

Свои кораблики старик искусно мастерил сам. Корпус был из коры, мачты – из ошкуренных ивовых прутьев, а паруса – из настоящей льняной ткани. Иногда детям самим хотелось поиграть с корабликами: они выглядели такими настоящими, почти как суда, стоявшие в порту ближайшего города Гётеборга, только меньшего размера. Но им не разрешалось даже потрогать эти кораблики. Старик берег их как зеницу ока.

Вот опять он там сидит, как всегда, когда день солнечный и не очень ветреный и не чувствуется перемены погоды. Когда менялась погода, у него постоянно ныли суставы и он вынужден был сидеть дома с кружкой рома, которая всегда стояла у его постели.

Дети хихикали, тайком поглядывая, как он подталкивает кораблики, набирая пригоршни камешков, лежавших на дорожке у дамбы. Они слышали, как он говорит сам с собою, потому что с годами он стал почти глухим и разговаривал очень громко, даже когда никто, кроме него самого, не мог его слышать.

– Целься как следует, мистер Мак-Брайд! Бей по парусам! Бортовые орудия, огонь!

После этого он прищурил один глаз, поднял руку и стал кидать камешки в крайний кораблик. Когда камень попадал в кораблик и тот опрокидывался, старик, квохча, довольно посмеивался себе под нос, наслаждаясь результатом.

– Молодец, мистер Роббинс! Мы победили этого гаденыша!

И тут он услышал шаги детей по гравию и резко повернулся к ним. В глазах его они увидели злость и раздражение.

– Убирайтесь отсюда! – прошипел старик. – Здесь нет ничего интересного для посторонних!

Они бросились прочь от него, давно зная вспыльчивый характер этого старого чудака. Не раз случалось, что он швырял в них оставшиеся у него камни, если они подходили слишком близко.

– Это мы, дедушка, – попытался объяснить один из мальчишек.

Но тот не слушал его. Вместо этого он взял свою клюку и с ее помощью стал подгонять к себе кораблики. Один кораблик перевернулся, намочив паруса, и старик положил его сушиться на дамбу. Другой кораблик он положил в синий короб, в котором всегда хранил свои кораблики, когда не играл с ними.

– Он сумасшедший! – прошептал старший из мальчишек. – Все так говорят. Совсем чокнутый... Тот, что командует слугами, говорит, что старик страдает манией величия, потому что утверждает, что когда-то был высокопоставленным капитаном, которого, кстати, слушал сам король!

– Да он никогда и не слышал о короле Карле, – сказал его брат. – До того у нас была королева, а когда совсем уже старый король погиб, старика здесь не было. Нет, он врет, как сапожник.

– Сапожник пьет. А врет сивый мерин!

Они начали прыгать на лужайке недалеко от старика, показывали на него пальцем и хором дразнили его. Старик покраснел от злости и распрямился, опираясь на свою клюку.

На террасу вышла мать детей.

– Перестаньте дразнить деда! – крикнула она. – Идите домой. Бабушка Бет запекла яблоки и сделала сироп из ванили, которую отец купил вчера в порту.

Они торопливо вбежали в дом и вскоре уже сидели за столом, наслаждаясь лакомствами. Через покосившееся окно они видели, что дед снова сел на корточки. Его голова казалась белой кочкой на приподнятых плечах.

Бабушка отошла от печи и уселась в кресло-качалку, где она обычно и пребывала.

Младший мальчишка отер желтый соус с губ и посмотрел на старуху.

– Ты, бабушка, так много рассказывала о странных случаях на море, – громко сказал он, чтобы старуха услышала. – Он ведь врет, бабушка, правда врет?

– Но Ингве! Что ты говоришь! – возмущенно воскликнула мать, однако женщина в кресле-качалке лишь улыбнулась и махнула рукой, как бы защищая.

– Ну, он, конечно, здорово привирал в свое время... хотя были дела и похуже... но все, о чем он рассказывал, к сожалению, в основном было правдой, – ответила она. – Я бы здесь не сидела, если бы это было не так...

Ингве сделал большие глаза. И посмотрел в окно. На дам-

бе старик вновь сталкивал берестяные кораблики в воду.
И снова набрал пригоршню гравия, готовясь к бою.

Глава первая

Дагвинду Мартинссону был двадцать один год и три месяца с небольшим, когда он впервые встретился с королем Швеции Густавом II Адольфом. Сам король был всего лишь на пять лет старше парня из усадьбы Энгторден в Эргрюте, что в Нью-Лёдэсе. Было 4 июня 1621 года; король сидел за старым тяжелым столом с пером в руке, готовясь подписать указ о привилегиях нового города Гётеборга.

Дагвинд один раз видел короля до этого в своей не столь еще длинной жизни. Густав II Адольф побывал в этих местах три года назад. Он переночевал в усадьбе Мартинссонов в Эргрюте. На следующий день его величество во главе своего кортежа взобрался на утес. Оттуда он показал, где бы он хотел, чтобы стоял новый город.

– Я желаю, чтобы морские ворота Швеции в Западное море¹ были здесь, – сказал он.

У юного короля явно были хорошие советники. Город был совсем не случайно заложен между крепостью Эльвборг на западе и фортом Гульберг на востоке. Эти земли часто захватывали датчане и норвежцы, и вполне вероятно, что они могут вернуться. Новый город будет хорошо защищен этими мощными крепостями.

Дагвинд побывал на утесе вместе со свитой короля,

¹ Северное море.

но к его величеству не приближался. Он подумал, что правитель – красивый и хорошо сложенный мужчина, но, пожалуй, слишком юн, чтобы править целой Швецией. Дагвинду хватило ума оставить свое мнение при себе. Он надеялся, что король вернется в их дом и проведет у них еще одну ночь, но этого не случилось. Он предпочел остановиться у знатного голландца Абрахама Кабельо, ловко торговавшего шведской медью.

Через девять месяцев после этого визита дочь Кабельо Маргарета родила сына. Злые языки, говорят, рассказывали, что этот ребенок, который был наречен Густавом и стал графом Васаборгским, был отпрыском самого короля.

Абрахам Кабельо жил в Ньюа-Лёдэсе, или Нюлёсе, как это место называли местные. Его омывала река Гёта-Эльв, а неподалеку стоял средневековый город Лёдэсе, заложенный в XII веке и со временем ставший одним из самых значительных торговых центров страны. Возможно, это объяснялось тем, что он был единственным городом, ориентированным на Запад. Для того времени это был крупный торговый город более чем с тысячей жителей. Его значение усиливалось тем, что там печатали монету. В 1455 году Лёдэсе сильно пострадал от пожара, и через 18 лет после этого Стен Стуре – старший решил, что город надо перенести поближе к реке. Нюлёсе располагался в устье реки Сэве, к северу от того места, которое указал Густав II Адольф для строительства Гётеборга.

Нюлёсе в то время был чем-то вроде новостройки. Слухи о том, что шведский король собирается заложить новый город на западном побережье, распространились быстро, как это и свойственно слухам, и из Голландии прибыло сюда множество искателей счастья. Некоторые соорудили себе временные хибарки, в то время как другие жили на постоялом дворе Горн, жалуясь на то, что там ночи напролет орали, так что невозможно было как следует выспаться.

Строительство города Гётеборга было также поручено голландскому градостроителю Якобсену, который призвал в помощь своих земляков. Он нанял мастеров в области фортификации – Яна Арендтца и Йоста ван Вердта. Те начали со строительства главного – порта. Из той же страны прибыл «стратмакер» – мастер по улицам, обязанностью которого было правильно проложить улицы. Звали его Ян Хендрихсен.

Хоть и на бумаге, главным начальником строительства города Гётеборга был управляющий дворцом Эльвсборг Нильс Шерншёльд. Он, конечно, знал о том, что получил это поручение благодаря своим военным успехам. О мирном времени ему было известно немного, а о строительстве городов – еще меньше. Он знал, что голландцы были настоящими профессионалами, и предоставил им в основном свободу действий.

Постепенно на западное побережье Швеции прибывало все больше людей, которых привлекало освобождение от налогов на шестнадцать лет, от набора в армию, а также –

в наименьшей степени – тот факт, что Гётеборг должен был стать зоной свободной торговли. Купцы чуяли, что ранняя птичка могла заработать кучу денег².

Но не одни лишь пекуниарные соображения заставили многих жителей нижних земель³ взять свои семьи и бежать в Швецию. Им стало известно, что в этой стране протестанты и лютеране могли жить совместно, без ссор и кровопролития ради Христа. В Швецию бежали и из более дальних стран, спасаясь от папской инквизиции.

Вернувшись сюда три года спустя, король не очень-то был восхищен Гётеборгом. Там стояло не более семи-восьми готовых домов, большинство из которых принадлежали иностранным строителям, позаботившимся о том, чтобы прибрать к своим рукам самые лакомые пустоши вдоль городских каналов.

Густав Адольф отложил перо, и адъютант посыпал песком указ о привилегиях со всеми его 37 пунктами.

– Проследи за его опубликованием, – тихо сказал король, вставая из-за стола. – Теперь пора и перекусить, не так ли?

– Для вас накрыто в усадьбе Мартинссонов в Эргрюте, – прошептал адъютант.

Король помрачнел.

– Мне что, надо так далеко ехать за куском хлеба?

² Аллюзия на английскую поговорку *It's the early bird that catches the worm* (буквально: «Только ранней птичке достаётся червячок»).

³ Имеются в виду Нидерланды (буквально: «нижние земли»).

– Ваше величество сами так распорядились еще утром.

– Дай мне тогда промочить горло, чтоб не упасть с голоду! – проворчал Густав Адольф.

Он получил желаемое, и через минуту королевская свита покинула новый город. В усадьбе Энггорден в Эргрюте ждал обильно накрытый стол. Семейство Мартинссонов было благородным, но обедневшим, однако сейчас оно выставило все, что было в доме, и даже еще больше.

Это был старый дом, но он не всегда был собственностью этой семьи. Одно время он был королевским и использовался Густавом Васой⁴, когда тот объезжал свое королевство. Позже он был выкуплен и несколько раз достраивался.

Чтобы попасть в него, надо было миновать сторожку, стоявшую на краю участка вокруг дома, напоминавшего парк. Это не был настоящий парк, так как семья была не в состоянии разбить парк и содержать его. Когда-то в сторожке жили охрана и прислуга, но сейчас там обитали только те немногие, что остались в услужении у семьи. Недалеко от сторожки были скотный двор и подсобные помещения.

У ворот король приказал кучеру остановиться. В дороге правитель пропустил несколько глотков и хотел пройти остаток пути пешком, чтобы прояснить мозги и нагулять аппетит, наверное.

Выходя из кареты, он увидел Дагвинда, сидевшего на коне среди свиты. Королю показался знакомым этот парень, и он

⁴ Король Швеции (1523—1560).

жестом подозвал его к себе.

– Пройдемся вместе, – сказал его величество.

Дагвинд поклонился и составил компанию королю по дороге к дому. В ветвях деревьев вдоль расчищенной граблями дорожки гулял весенний ветерок, донося ароматы недавно распустившихся цветов.

Дагвинд отметил про себя, что Густав Адольф был немного выше его самого, имевшего рост без обуви чуть более ста семидесяти сантиметров. Его можно было назвать рослым. У него было узкое светлое лицо, белокурые до белизны волосы и острая бородка, отдававшая в рыжину. Глаза были большие, нос с небольшой горбинкой. Дагвинд вспомнил, что народ дал ему прозвище «Горбоносый». У него был довольно маленький рот, будто собранный в пучок, а сверху – небольшие тонкие усики. Он был одет как рыцарь, но в более дорогие доспехи, чем простые солдаты. Плащ с высоким воротником был из лосиной шкуры, широкополая шляпа была с плюмажем.

Они прошли молча бок о бок почти половину пути до дома, когда король сказал:

– Я не знаю, как тебя звать, знаю только, что ты из этой семьи.

– Меня зовут Дагвинд, ваше величество.

– Дагвинд! Замечательное имя.

– Прадеда так звали, ваше величество.

Меж бровей короля появилась складка.

– Что ты заладил – «ваше величество» да «ваше величество», – раздраженно сказал король. – Мы здесь одни, и никто нас не слышит. К тому же мы почти одногодки. Обращаясь ко мне с почтением, можешь не величествовать.

– Благодарю, Ваше... в общем, спасибо.

По лицу Густава Адольфа пробежала тень улыбки.

– У тебя есть какая-нибудь профессия, Дагвинд? – спросил он затем. – Занятие?

– У семьи есть усадьба, требующая ухода, – ответил юноша. – Это занимает у меня много времени. Мать стареет, а у отца бо́льшая нога. Незаживающая рана.

– Старый солдат, конечно, – кивнул король. – Мне пришлось много встречать таких. Защита королевства оставляет свои отметины.

Дагвинд не сказал, что рана отца носила другой характер, что его укусила разъяренная свиноматка, не желавшая идти на бойню.

– Это хорошо, что ты работаешь в усадьбе, – продолжал король. – Усадьба – это натуральное хозяйство. Хорошо все то, что натурально и является результатом земледелия или скотоводства. Я встречал дворян, занимающихся торговлей. Она дает деньги, но это не натуральная собственность, искусственная и дурная.

Дагвинд остановился. Король тоже.

– Почему это? – спросил молодой дворянин.

– Дело в порядке. В универсальном порядке, созданном

Богом. На нем стоит дворянство, и его надо сохранять. Все сословия должны решать свои задачи и не вмешиваться в дела других. В Швеции существует иерархическая система, где каждый зависит от другого. Так повелел Господь, а то, что угодно Богу, угодно и мне. Дворянство существует за счет земли и войны, горожане – за счет своих ремесел, крестьянство – за счет сельского хозяйства, а духовенство – за счет прихожан. Каждый нужен друг другу, и все должны тянуть в одну сторону. Тогда страна будет благополучной.

Он замолчал, переводя дух, и посмотрел на Дагвинда. Позади них телохранители короля внимательно следили за этими двумя медленно идущими мужчинами, готовые вмешаться, если они заметят что-либо неподобающее или опасное.

– Ты уклонился от ответа на вопрос об интересах, Дагвинд, – продолжал король. – Надеюсь, ты не делец?

– Да нет.

– Отлично! Торгашество пусть побережет для себя знать. Купить-продать для нее все же лучше, чем пиратство, грабеж или воровство. Это нарушает порядок. Честь тому, кто хранит порядок, а честь многого стоит. Дворянин готов все отдать, даже жизнь, за честь.

– Если вы так плохо думаете о торговле, то я хотел бы знать...

Дагвинда резко оборвали.

– В Швеции феодальная система! Швеция – страна привилегий. Сила королевства зависит от крестьян. Таков поряд-

док, и его нельзя менять!

— В Голландии иначе, — сказал Дагвинд. — Там правит коммерция. А вы нынче пускаете голландцев в страну и позволяете им строить новый Гётеборг. Он станет видным торговым центром. И как же вы это допускаете?

Густав Адольф остановился и посмотрел на Дагвинда, который тоже застыл на месте. Он широко, оценивающе улыбнулся.

— Ты неглуп, мой друг! — сказал он. — Верно, что голландцы представляют определенную угрозу порядку, однако, поскольку они полезны при строительстве моего города, пусть себе продолжают.

Они вошли на площадь перед домом. Самое большое строение было срублено из бревен в замок и состояло из двух этажей, которые венчала крыша.

Немного левее середины дома было крыльцо с остроколенной башенкой над ним. Дом был с мезонином — выступавшей наружу постройкой на крыше, напоминавшей маленький домик с двумя окнами, за которыми также было жилое помещение.

От каждого торца дома отходила кирпичная стена, окружавшая огород и яблоневый сад. В ней было двое ворот в башенках — по одному с каждой стороны большого дома. Левые ворота в стене открывали дорожку к квадратному бревенчатому дому, в котором были пивоварня и кухня. Над его крышей посередине возвышалась мощная печная труба.

На большом доме было пять печных труб, некоторые из них – с двойным дымоходом, потому что дым надо было отводить из восьми печей.

Из погреба в кладовой выскочил скрюченный мужичок с окороком на плече. Он скрылся в кухне, и Густав Адольф с интересом посмотрел на погреб.

– Погреб в скале, – сказал он. – Как вам удалось так хорошо выдолбить его?

– Он тут очень, очень давно, – ответил Дагвинд. – Насколько я знаю, один человек когда-то рассказывал, что скала была разломана с помощью костра, в котором спалили много дров. Об этом рассказывал отец, а сам он узнал это от своего отца. Ну что, войдем? Стол накрыт.

Обед был обильным и продолжался долго. Красное и белое вино, вишневая наливка, мед и пиво лились рекой. Там были толстенный говяжий стейк, присыпанный тертым соевым медом, дичь с терном, ветчина, грудинка, свежескопченная баранина и свинина, свежая и малосольная говядина, зайцы, косуля, цыплята и рябчики, жареные голуби, сложная яичница и сырники, а также выдержанный сыр с фруктами.

Были поданы также капуста, холодец и жареные колбаски, свиные ребрышки с жареной и вареной репой, жареная селедка, вареные миноги, малосольный угорь в бульоне и страшно вкусная свежая рыба с вареными в соленой воде свежими яйцами, вяленая рыба с горохом, изюмом и миндалем, горный сиг в масле, сушеная щука, соленый лосось

и разные рыбные паштеты.

В тот вечер подавали не обычные слуги. По случаю визита короля вместо них стол обслуживали знатные дамы.

Одна из юных дев, которые прислуживали за столом, удостоилась королевского шлепка по заду. Густав Адольф что-то прошептал ей на ушко, отчего она покраснела.

Дагвинд поражался королевскому аппетиту на пищу и питье. Много было говорено о том, что Густав Адольф любит спартанский образ жизни. Что-то этого не наблюдалось. Чем дольше шел обед, тем довольнее он выглядел; было также заметно, что на него подействовало спиртное, которое он влил в себя.

Когда король насытился и с довольным видом отвалился от стола, с которого начали убирать посуду, он призвал к себе Дагвинда сдержанным взмахом руки.

– Да? – сказал Дагвинд.

– Когда мы на людях, ко мне следует обращаться «ваше величество», – сказал Густав Адольф, подавляя отрыжку. – Окажи мне услугу. Я собираюсь идти в свою комнату, и я сказал моей страже, что ты пойдешь со мной. Там есть задняя дверь. Мы с тобой выйдем через нее. Ты покажешь мне, как пройти к леску с высоким дубом. Я не знаю, где он, я всего лишь слышал о нем.

Дагвинд сразу понял, о чем речь. Выпитое подогрело чувства его величества. Оно решило побаловаться со служанкой. Сам по себе это был неплохой выбор, так как девушка

была красивой и зрелой и явно владела уже искусством любви.

Однако Дагвинд почувствовал некоторое разочарование. Всего лишь год назад король женился на Марии-Элеоноре, против воли ее брата, как говорили. Он внимательно посмотрел на своего повелителя, стараясь найти признаки того, что этот брак был также против и его желания, но таковых не обнаружил. Он понял, что не смог бы их распознать, даже если бы они и были.

— Ваша воля — закон для меня, ваше величество, — ответил он.

Король оставил его и пошел в ту часть дома, которая была отведена для него и его приближенных. Дагвинд увидел, как одна из служанок внесла поднос с едой в комнату отца. Дверь в нее была закрыта на протяжении всего обеда. Теперь, когда она открылась, Дагвинд увидел, что его отец сидит в постели, подпертый большими подушками, и курит свою старую глиняную трубку. Тут дверь закрылась.

Дагвинд ждал. Высокие часы в углу отсчитывали минуту за минутой, но час ожидания был долгим. Наконец этот час прошел, и юноша поспешил к королю.

Густав Адольф снял с себя военные доспехи. Шпага лежала на стуле у кровати, а тяжелый плащ из лосиной шкуры висел на крючке у двери. Король обулся в низкие сапожки и надел на себя тонкую накидку. Когда Дагвинд вошел в комнату, после того как стража отворила ему дверь, Густав

Адольф сидел перед зеркалом, наващивая усы и эспаньолку.

– Готов быть вашим проводником, ваше величество, – сказал Дагвинд.

– Без титулов. Мы здесь одни... А теперь к приключению! – ответил Густав Адольф со смешком. – Но сначала по глотку.

Он вынул бутылку вина из буфета и наполнил два стакана до краев. Один из стаканов достался Дагвинду. Он успел лишь пригубить кислый красный напиток, в то время как король уже опорожнил свой стакан.

Из коридора задняя дверь вела в огород. Дагвинд шел впереди с небольшим фонарем в руке, так как уже стемнело. Король нес сумку. Они вышли из огорода в лес через маленькую калитку, окрашенную в красный цвет, и пошагали к ручью, весело журчавшему после снежной зимы.

Они прошли вдоль ручья пару сотен метров, а затем перешли его по мостику, бывшему там с незапамятных времен. После этого им надо было пройти через лиственную рощу, чтобы попасть в лесок, посреди которого царил тот старый дуб. На его мощном стволе была закреплена зажженная сальная свеча.

– Теперь я сам, – сказал Густав Адольф. – Ты подожди здесь, Дагвинд. Ты мне потом понадобишься, а то я никогда не найду дорогу назад.

Снова часовое ожидание. Дагвинд старался не обращать внимания на доносившиеся до него звуки. Наконец король

вернулся. Жилет его был косо застегнут, а сумка пуста. В ней он нес вино и теперь шел пошатываясь.

Это произошло у ручья. Величество покачнулся, потеряв равновесие посреди мостика, вскрикнул и очутился в воде.

Дагвинд поставил фонарь на мостик, прежде чем прыгнуть за своим правителем. Ручей не был глубоким. Вода доставала ему до паха. Она была холодной и такой стремительной, что он сам с трудом сохранял равновесие, когда стал поднимать Густава Адольфа, крепко ухватив его под мышки. Король вновь застонал.

– Вы ушиблись?

– Я ударил ногу о камень. Ничего страшного. Только помоги подняться.

Король был тяжелым, и Дагвинду потребовалось несколько минут, чтобы вытащить его на крутой берег. Когда он его отпустил, то заметил, что Густав Адольф сильно хромает.

– Садитесь! – приказал он. – Мне надо взглянуть.

– Ты что, разбираешься в ранах?

– Я многому научился у доктора Ладеманна из Нюлёсе, а еще больше – у лекаря Петера á Налдвика, недавно появившегося здесь, – ответил Дагвинд, задрав штанину у короля. – Ну и опухло! Растяжение и ужасный порез. Полежите тут, я сбегая за своей аптечкой.

Он прислонил короля спиной к пеньку у мостика и поспешил к дому. Нашел аптечку и вернулся. Наложил на рану мазь, которая лечила и успокаивала, а кроме того, знал

Дагвинд, она ускорит выздоровление. Забинтовав рану разорванной на полосы нижней рубашкой, он тщательно осмотрел опухшую ногу.

– Это всего лишь растяжение, – сказал он с облегчением. – Я наложу шину. Если вы будете вести себя спокойно остаток ночи и отдохнете пару лишних часов, рано утром опухоль спадет.

Король молча сидел, пока Дагвинд накладывал шину, привязывая ее кожаными ремешками. После этого король смог встать. Опираясь на Дагвинда, его величество вернулся в свою комнату.

– Ты ничего не говорил о том, что можешь быть санитаром, когда я расспрашивал тебя о твоих интересах, – сказал Густав Адольф, когда Дагвинд уже собирался уйти.

– Я не успел всего перечислить, – улыбнулся юноша. – Однако действительно, это интересует меня. Важно уметь ставить людей на ноги, если хочешь управлять имением. Мне приходится сейчас это делать, коль мой отец не в силах.

– А ему ты не можешь как-нибудь помочь?

Дагвинд покачал головой.

– Так далеко я не продвинулся в учении, – ответил он. – Надеюсь научиться, пока отец еще не смертельно болен.

– Ты учишься у голландца, – сказал король. – Значит, ты знаешь их язык?

– Здесь их столько, что нельзя его не знать, – ответил юноша. – Прежде я учил немецкий; ребенком я часто ходил

с отцом в гавань. Он часто покупал немецкие семена. Там я немного научился разговорному немецкому, а между немецким и голландским разница не столь велика.

– Выходит, у меня произошло сегодня ценное знакомство, – усмехнулся Густав Адольф. – Я последую твоему совету и отдохну немного сегодня утром. Пока буду отдыхать, подумаю, какую пользу можно извлечь из тебя в будущем.

Дагвинд поклонился. Густав Адольф снова издал свой короткий смешок, останавливая того жестом руки.

– Еще один вопрос, пока мы не расстались на ночь, – сказал король. – Ты что-нибудь смыслишь в мореходстве?

– Кое-что. Когда живешь на побережье, вернее в той его части, что клином уходит в море, с норвежской провинцией Бохуслен на севере и датской провинцией Халланд на юге, ты должен достаточно знать о море. Это существенная часть нашей жизни.

– Так ты ходил в море?

– Конечно. Но не столько, сколько хотелось бы. Я люблю море, но мне начертано судьбой быть сухопутной крысой, привязанной к усадьбе и земле.

– Посмотрим, мой друг, посмотрим! Ну, ступай теперь. Мне надо поспать.

Глава вторая

Мальчонка родился посреди лютой зимы. Он увидел дневной свет 16 января 1600 года Господня и получил имя Дагвинд⁵. Роды оказались тяжелыми для матери – Кристины Мартинссон; настолько тяжелыми, что после этого она не могла уже иметь детей. Злые языки говорили, что она не желала больше подвергать себя таким страданиям, поэтому сдвинула ноги и более не пускала своего мужа между них.

Стоял январь, месяц Тора⁶, в котором был 31 день. Согласно старому Альманаху крестьянина – экземпляру его, добытый в Германии, стоял в массивном книжном шкафу в большой комнате, – продолжительность дня была 8 часов и 10 минут. Солнце пребывало в созвездии Водолея с 10 января по 10 февраля.

Семейство Мартинссон было знатного происхождения и соблюдало правила своего сословия. Однако они никогда не забывали, что были земледельцами, и потому слушались, насколько это можно было понять, советов и наставлений из Альманаха крестьянина. Так, в отношении месяца Тора в нем говорилось следующее:

В это время я копчу мясо,

⁵ Дневной ветер.

⁶ Тор – один из богов в дохристианской Швеции.

*Я ем и пью умеренно,
Не допущу я кровопускания,
Ибо в этот месяц это не пойдет на пользу.*

В этот месяц надо пить хорошее вино на голодный желудок. Кроме того, следует есть натошак острые специи, такие как имбирь, перец, гвоздика, а при напятикуме полезно пустить кровь, вскрыв вену на левой руке, а иначе кровопусканием заниматься не надо.

В созвездии Водолея не надо строить дом, переезжать в другой дом, вступать в брак и праздновать свадьбу. Плохо также применять медикаменты к голени.

Но одно очень обрадовало новоиспеченных родителей. В Альманахе были в основном добрые слова о новом члене семьи.

В нем сообщалось, что ребенок, родившийся в созвездии Водолея, будет хорошо себя вести, будет иметь хорошую репутацию и вполне сможет постоять за себя. Он будет спокойным и не будет ябедничать. Он верит всему, что ему говорят, он прямодушен, беспечен и уравновешен, говорит правду и ненавидит ложь и лжецов. Зачастую у него шрам или иной знак на руке или ноге. Он лучший из своих братьев и переживет своих родителей. Его дети будут глупы и легковоспитуемы, и он будет иметь много женщин.

Водолей должен быть веселым, беззаботным и прямодушным. В знаке Рыб ему суждено иметь счастье и достаток

на море. В то же время в знаке Рака он мог легко заболеть, а в знаке Девы умереть. В Весах ему должно повезти, и потому он должен уехать. В Скорпионе имелись признаки того, что он станет богатым, а в Стрельце у него должно получаться все, что он предпримет.

В Козероге, наоборот, он не должен ничего начинать, так как из этого ничего не выйдет. Если он уже дожил до тридцати двух лет, то доживет и до шестидесяти.

Улоф Мартинссон прочитал эти предсказания много раз, точно так же он читал написанное и про себя самого. Это были хорошие пророчества, и он надеялся, что они сбудутся. Дожить до шестидесяти значило прожить долгую жизнь. Достичь тридцатидвухлетнего возраста было в рамках возможного.

Хотя полной уверенности в том, что все так и будет, у него не было. Несмотря на то что в Альманахе в предисловии и других местах говорилось, что предсказания основаны на Христовых словах и библейских заповедях, Улоф заметил, что иногда они были ошибочны.

Или он сам ошибался и сам не так толковал закрученные формулировки? Во многом написанное в Альманахе сильно смахивало на магические руны, и надо было уметь читать между строк, чтобы понимать написанное.

Оставалось надеяться на лучшее.

С надеждой надо было относиться и ко многим другим вещам. Семейство Мартинссон не было богатым, но все же

было знатным и должно было поддерживать видимость богатства. Поэтому их двор в Эргрюте был одним из самых больших в округе. Дом не был крепостью из камня с башнями и бойницами, что порой печалило Улофа Мартинссона. Средств на его постройку не было, и даже тот дом, что они имели и содержали, требовал непомерных с хозяйственной точки зрения затрат.

Времена и обстоятельства были таковы, что знатное семейство должно было показывать свою принадлежность к высшему классу. Все вокруг должны были знать, кто здесь хозяин, который знает, как надо себя вести, как правильно жить. Семейство вынуждено было показывать, что купается в деньгах. Надо было устраивать празднества и пирушки, охоту, которая была чем-то большим, нежели сборище для добычи дичи. Как только происходило что-то значительное, надо было праздновать это событие.

Рождение малышки Дагвинда было отмечено грандиозным праздником с множеством гостей. С наступлением темноты черное зимнее небо осветилось фейерверками, на которые любовались друзья и знакомые в шелках, кружевах, жемчужных ожерельях, драгоценностях и золотых галунах.

Улоф Мартинссон, скорее всего, никогда бы не расплатился со своими долгами – коих было множество, – если бы ему не повезло и он не унаследовал от своего отца должность объездчика, своего рода лесничего. В связи с этим он был освобожден от налогов и получил полугодовой стол от Эльв-

сборгского замка вместо платы наличными за работу. Коли на то пошло, эту работу он никогда не выполнял. Ее исполнял один из работников, состоявших на жаловании в усадьбе Энггорден.

Еще ребенком Дагвинд проявил бурную нетерпеливость, сопровождавшую его многие годы. Иногда она проявлялась в том, что он грыз ногти. Это страшно не нравилось его матери, которая всякий раз, когда она это видела, требовала, чтобы он прекратил это.

Однажды, как раз накануне его седьмого дня рождения, они приехали в Нюлёсе, чтобы сделать покупки. Дагвинд остался сидеть в открытой коляске, изучая переменчивую уличную жизнь и думая о том, что ему надо сделать по возвращении домой. Испытывая некоторое беспокойство, он стал грызть ногти, что заметила его мать Кристина, когда вышла с покупками из магазина вместе со служанкой. Дагвинд узнал тогда обо всех своих недостатках.

Тут как раз появился тот человек в рваном солдатском обмундировании. Он остановился у коляски. Кристина вынула кошелек, чтобы подать солдату монетку, думая, что это нищий. Но солдат выпростал руки из карманов и протянул их Дагвинду. Пальцев на руках не было, только остатки фаланг. Остальное исчезло при взрыве бомбы на войне.

– Ты должен слушаться свою мать, пацан! – сказал этот бородатый, дурно пахнущий мужик. – Будешь обкусывать ногти – станешь таким, как я!

Солдат получил свою монету, а шестилетний малыш перестал после этого грызть свои ногти.

Какое-то время спустя он до смерти напугал свою мать. Они поставили на кухне большую лохань, чтобы искупать Дагвинда. Он сидел в воде, дожидаясь, когда придет служанка и намылит его. Но она с чем-то замешкалась, и Дагвинду пришлось на ум узнать, сколько он вытерпит не дыша. Он наполнил легкие воздухом и нырнул под воду. Он лежал на дне лохани, как мертвый, с закрытыми глазами, считая про себя.

Когда пришла мать, он уже насчитал до двухсот пятидесяти трех и начал меняться в лице. Кристина Мартинссон закричала от ужаса. Подбежала служанка, и они вдвоем вынули его из воды. Тут он открыл глаза.

– Ты меня до смерти напугал! – закричала мать.

– И меня тоже, – вторила служанка.

– Зачем вы меня вынули? – спросил Дагвинд. – Теперь я не узнаю, сколько я могу выдержать. Я хотел досчитать до трехсот. И уже немного оставалось!

Одним летним днем он повторил свой опасный опыт в ручье, бежавшем за домом. Тут он досчитал до трехсот, и поскольку он считал медленно, то решил, что выдержал примерно четыре минуты. Это было дольше, чем смог кто-либо до него, насколько это было ему известно.

Дагвинд рос и превратился в рослого и здорового парня, получившего приличествующее его сословию воспитание. Он уяснил себе, что праздники и приемы были мери-

лом статуса усадьбы и как важно было принимать каждого гостя чуточку лучше, нежели требовалось по рангу. Скудный прием – признак неуважения к гостям. Бедный стол означал принижение гостя.

Главным в воспитании было умение вести себя. Кто не умел вести себя, был достоин презрения. Этикет определял разницу между сословиями.

Дагвинду быстро надоели все эти показательные помпезные церемонии, но он знал, что они необходимы, и был вынужден терпеть их.

Он знал, что Швеция была четырехэтажным строением. На первом этаже были крестьяне и работники, выше – мещане и жадные до денег буржуа; на третьем этаже – священнослужители, а выше всех стояли дворяне и знать, которые имели контроль и власть над всеми. И только король был выше, но и он так или иначе принадлежал к дворянскому сословию.

Как и другие молодые дворяне, Дагвинд обозначал свое положение дорогим гардеробом. Это проявлялось, когда он выходил куда-нибудь, да и кроме того, нельзя было слишком часто появляться в одном и том же.

Домашнего учителя звали Юхан Русен; он был сыном священника в провинции Вестергётланд. Ему удалось научить Дагвинда немецкому и латыни, математике и философии, помимо всего прочего, что могло понадобиться в жизни. Сам Русен учился в Германии и знал, как себя вести во двор-

це и хибаре. Он был очень охоч до женского пола, какой познавал на практике. Как-то он взял Дагвинда с собой в припортовый квартал в Нюлёсе. На втором этаже пивной «Горн», названной в честь мыса Горн в Южной Африке, Дагвинд в четырнадцать лет расстался с невинностью, унаследовав интерес своего учителя к эротике.

Когда Улоф и Кристина Мартинссон поняли, что сын не может научиться ничему новому дома, в Швеции, они отправили его для продолжения обучения в Париж. Он не утратил своего интереса к учебе, а также ни в коей мере к тому, что вкусил в «Горне».

Отец часто писал письма своему единственному сыну, в которых беспрестанно подчеркивал важность того, чтобы Дагвинд приобрел хорошие манеры. «Ты должен стать благородным юношей, – писал отец. – Важно уметь вести себя по-светски. Что хорошего в том, что ты вернешься домой ученым педантом?»

Он вернулся домой всецело обученным. Теперь он мог размахивать шляпой с плюмажем на французский манер и говорить с учеными людьми на двух-трех живых и мертвых языках.

Кроме того, он умел фехтовать, метко стрелять из пистолета и мушкета и обучился военной стратегии, хотя и на довольно среднем уровне.

Когда он жил во французской столице, он часто бродил вдоль набережных, наблюдая кипящую там жизнь. Там он

вспоминал свой дом и тосковал по нему. Суда он связывал с рекой Гёта-Эльв и городом Нюлёсе. Иногда его пронизывало желание стать морским офицером. «У них униформа красивее, – считал Дагвинд, – чем у кавалеристов и артиллеристов».

Когда он вернулся домой, он навестил поэтому своего соседа – Йохена Брандта в Стура-Горда. Он тоже был голландцем и принадлежал к большой голландской колонии, обитавшей в округе. Но самым важным был тот факт, что он был морским офицером, сперва в британском флоте, а затем в шведском, где он был ранен и навсегда списан на берег в ранге капитана корабля.

Йохен пользовался дурной славой среди своих соседей, но Дагвинд ладил с ним. У Брандта юноша быстро научился большинству из того, что Йохен Брандт знал о военном деле на море, и когда его пригласили в месячный рейс на судне, ему удалось – во многом благодаря своей упертости – убедить отца и мать, что это было ему необходимо. Тогда ему было шестнадцать лет.

Месяц в море вылился в пятьдесят дней. Но когда Дагвинд вернулся, он чувствовал себя настоящим морским волком и знал теперь, кем он хочет стать.

Но в молодости планы меняются. Еще во время своей учебы у Брандта он познакомился с аптекарем и практикующим врачом Ладеманном в Нюлёсе. Это был похожий на черта человек с трубкой в зубах, который взял Дагвинда под свое

крыло. Любопытный парень узнал все, что знал Ладеманн о болезнях и лекарствах, о том, как надо лечить раны и сращивать сломанные кости. Дагвинду Мартинссону это показалось даже интереснее, чем морское дело.

— Это говорит о том, что ты толковый парень, — сказал ему Ладеманн. — В конечном счете важнее латать народ, нежели гробить его на поле брани.

Дагвинд записывал все, что узнавал, в тетрадь в черной обложке. Ладеманн порой забавлял себя тем, что задавал ему самые трудные вопросы, но юноша всегда давал на них правильные ответы.

— Ты мог бы уже перенять мою практику, — сказал доктор. — Но ты этого не сделаешь, потому как таким, как ты, это не пойдет на пользу.

Чуть позже тем летом в Нюлёсе приехал один из друзей Ладеманна. Это был лекарь Петер á Налдвик из Амстердама, соблазненный перспективой стать городским врачом в Гётеборге, строительство которого планировалось. Ладеманн представил Дагвинда вновь прибывшему доктору, и они стали без проблем общаться, потому что юноша на тот момент говорил по-голландски столь же хорошо, как и по-шведски.

Неприятности начались для Налдвика почти сразу по приезде. Как иностранец и недавно приехавший, он не мог работать в Швеции как заборорассудится. И никакой роли не играл тот факт, что его пригласили сюда правители города. Он должен был ждать, пока Гётеборг не появится на отведенном

для него месте. Но пока что города, в котором он мог бы быть городским врачом, не существовало.

Когда Дагвинд узнал, что Петер á Налдвик может лечить животных ничуть не хуже, чем людей, он решил помогать ему. В его усадьбе Энгторден было много больных лошадей и других животных, так же как и у многих знатных знакомых его семейства в округе. Налдвик мог не беспокоиться более о том, как выбраться из своего затруднительного положения, и в благодарность пообещал, что Дагвинд может изучать медицину у него.

Налдвик был весьма ученым человеком, он привез с собой большую библиотеку из Голландии. Дагвинд много времени проводил у голландца. Он сидел, уткнувшись носом в книги, а доктор царил у своего секретера.

– Что это вы пишете, доктор? – спросил Дагвинд после одного из домашних экзаменов. – Вижу, что это на латыни, что-то о лошадях, но...

– Это книга, которая будет издана Лейденским университетом у меня на родине, – гордо ответил Налдвик. – Ты прав, она о лошадях, об их характере, о том, как надо выбирать себе лошадь, как обучать ее и как за ней ухаживать.

Он показал первую страницу рукописи. Под заглавием стояло: «Auctore Petro a Naldevyk, Batavo doctore medicine apud Gothob».

– Голландский доктор медицины среди гётеборжцев? – спросил Дагвинд.

– Еще нет! Буду со временем, мой молодой друг. Еще до того, как выйдет книга.

Когда Дагвинду исполнилось восемнадцать лет и он начал считать себя готовым врачом, пронесся слух, что приезжает король. Зачем – никто не знал; по крайней мере, никто из тех, кто знал, ничего не говорил о причине его приезда. Дома, в Энггордене, тоже много судили и редили об этом. Отец и мать начали задирать нос.

– Что за таинственность, отец? – спросил Дагвинд.

– Пора и тебе знать, – услышал он в ответ.

И он узнал следующее. Густав II Адольф действительно приезжает. Мало того, его величество почтит своим присутствием семейство Мартинссон и проведет одну ночь в одной из комнат усадьбы. Когда же это произошло, Дагвинд с трудом попал домой. Повсюду стояла вооруженная стража, которая следила за тем, чтобы никто посторонний даже близко не подходил. В тот вечер, когда к ним пришел король, Дагвинду пришлось сидеть далеко за большим столом, там, где его никто не видел, потому что все свечи были возле Густава Адольфа. На следующий день рано утром его величество во главе своего двора поскакал на вершину горы, стоявшей за несколько километров от усадьбы Энггорден. Оттуда король указал, где бы он хотел построить город. Город должен носить звучное имя Гётеборг. В тот раз Дагвинд больше короля не видел.

Однажды он сидел в своей комнате и читал, когда отец

и мать вошли в его комнату, как всегда без стука. Он отложил книгу в сторону и поклонился им.

Они не сразу перешли к делу.

– Ты уже не ребенок, Дагвинд, – сказал отец. – Пришло время обзавестись тебе женой.

– Я еще не думал об этом, – ответил сын. – Я слишком занят учебой, чтобы еще и о семье заботиться. Да я и не знаю никаких других девушек, кроме тех, что живут поблизости. Те, что подходят по возрасту, не подходят по другим причинам.

Он начал перечислять девушек, с которыми встречался, объяснять, почему он не хочет ни одну из них взять себе в жены. Мать тайком улыбалась, скрываясь за своим платком.

– Я поговорил о тебе с королевской свитой, – сказал Улоф Мартинссон. – Есть одна девица знатного происхождения, которая подойдет тебе. Во всяком случае, она устраивает нас!

– Кто это?

– Элеонора Шютте. Дочь барона Юхана Шютте, бывшего учителя короля. Я пригласил ее к нам. Она придет.

Дагвинд большими глазами посмотрел на своих родителей.

– И что с ней не так? – спросил он.

– С ней все в порядке, как я знаю!

– Слышал я о роде Шютте, – сказал Дагвинд. – Это не ка-

кое-то занюханное дворянство. И сколько ей лет?

– На пару лет старше тебя, сынок.

– Принцесса на горошине! Я так и думал, – ответил юноша, развеселившись. – Она не сумела никого заловить, и я у нее последний шанс.

– Думай, что говоришь! Мы не менее знатны, чем она.

– Взгляни правде в глаза, отец...

Он умолк, увидев в глазах отца нечто иное, чем правду. Взгляд отца стал жестким, глаза потемнели. Дагвинд понял, что зашел слишком далеко, и тотчас сменил тему. Он вновь поклонился в знак уважения.

– Когда она приезжает? – промолвил он.

– Через три дня. Оденься как следует, и немного розовой воды не помешает. Ты знаешь, что от тебя несет коровником? Общение с этим иностранцем-ветеринаром не идет тебе на пользу. Он забивает тебе голову глупостями. На что тебе медицинские знания, если ты никогда не сможешь извлечь из них пользу?

– Знания никогда не повредят, отец. Я смогу сам лечить нашу скотину, когда буду ухаживать за ней.

– Поживем – увидим!

Элеонора Шютте прибыла, как и ожидалось. С ней была свита из четырнадцати персон. Они разместили ее в самой красивой комнате, где она проводила большую часть дня у зеркала, пока ее служанка и пара других дам пудрили ее и делали все, чтобы она стала красивой.

Дагвинд никогда не видел более некрасивую и безвкусную особу. Элеонора была небольшого роста, минимум на двадцать пять сантиметров короче его самого, с заостренным личиком, покрытым какой-то сыпью. Она никогда не улыбалась, а во взгляде ее читалось презрение ко всему окружающему.

Он попытался поговорить с ней, когда им пришлось сидеть рядом, но его слова упали на бесплодную почву. Когда она от них уехала после пяти бесконечных дней и ночей, он почувствовал большое облегчение.

Немного спустя Улофу Мартинссону пришло письмо. Оно было изысканно сформулировано, но его содержание привело его в ярость. Элеонора Шютте писала, что имение у них маленькое и бедное, не подходящее для дамы ее положения. Помимо того, она считает Дагвинда занудой, не знающим, как ублажать благородных дам.

Потребовалось много времени, прежде чем хозяин усадьбы Энггорден нашел в себе силы написать и поблагодарить за визит. Написать-то он написал, но послание вышло коротким и отдавало обидой.

Нюлёсе начал наполняться людьми из ближних и дальних мест. Они собрались там в надежде получить работу на строительстве нового города. Но поскольку за строительство отвечали голландцы, лучшие рабочие места получили их соотечественники. Были там и немногочисленные шведы, которым поручили носить камни и рыть землю, вот и все.

Как раз в то время у Дагвинда появились основания усомниться в искусстве врачевателя. Во время осеннего забоя скота вырвалась одна кобыла, и в бешеной погоне это смертельно испуганное и разъяренное животное сильно укусило Улофа за ногу. Позвали Петера á Налдвика, который призвал на помощь все свои знания и способности, но рана не желала заживать. Улоф Мартинссон оказался прикован к постели с не прекращавшей гноиться ногой.

Дагвинд был теперь вынужден больше времени уделять управлению усадьбой. Ему никогда не нравилось работать на земле, но, поскольку это было сейчас необходимо, он с большой энергией включился в работу. По ночам он продолжал читать, все больше медицинские трактаты, которые одолжил ему Петер á Налдвик. Нигде не говорилось, как лечить постоянно гноящиеся раны.

Но он узнал кое-что иное. На усадьбу работали бедняки, пытавшиеся прокормиться на том клочке земли, которым сами владели. Для них скотоводство было чем-то бóльшим, нежели земледелие. Весной и летом, когда можно было найти корм для скота, дела шли еще более-менее хорошо. Тяжелее было обеспечивать кормом в зимнее время. Дагвинд разрешал им пользоваться тем, что оставалось на полях после сбора урожая, но этого не хватало. Один поденщик пришел с вопросом, нельзя ли им косить на заболоченных лугах по краям владений семейства Мартинссон. Дагвинд ответил, что можно, за что получил нагоняй от своего отца.

– Дай только нищему палец, так он руку отхватит, – сказал отец. – Мы должны беречь то, что имеем.

– Они должны выживать, чтобы мы могли использовать их и в дальнейшем, – ответил Дагвинд.

– Это раньше так было! – с горечью пробормотал отец, немного подвинувшись на постели, чтобы не было пролежней.

Дагвинд сдержал свое обещание. Он поехал посмотреть, как идет косьба, и увидел исхудавших мужиков с косами, стоявших по колено в воде. Женщины выходили из леса, нагруженные содранной корой, мешками с листвой, вереском, еловыми лапами, мхом и лишайником – всем тем, чем будет питаться скот в зимнее время.

И все же часто наступал зимой голод, даже в этих краях.

Одного из поденщиков в усадьбе звали Маттиас Янте. Он был надежным работником, и Дагвинд частенько общался с ним, потому что тот много чего умел и ничего не имел против обучения своему мастерству.

Однажды солнечным днем, когда они сидели на краю канавы и Дагвинд угощал его домашним лимонадом, пришла дочь Маттиаса с обедом для своего отца. В груди Дагвинда подпрыгнуло сердце. Несмотря на бедное, плохо сидящее платье, девчушка была настоящей красоткой. Ей было, должно быть, шестнадцать, может, семнадцать лет. Волосы у нее были светлые и длинные, немного всклокоченные, но это картины не портило. Ноги были длинные и стройные,

и, когда она стояла против солнца, сквозь тонкое платье просвечивало ее тело, бросая Дагвинда в жар от возбуждения.

Маттиас заметил это.

– Прошу вас быть с ней осторожнее, – хрипло сказал он, когда девушка ушла, оставив горбушку хлеба и кувшин с водой. – Ваш отец так вот побаловался с ее матерью, и она подцепила французскую болезнь. Она уже умерла, мир праху ее, но умирала она тяжело.

– Мой отец? Французская болезнь? – с ужасом забормотал Дагвинд. – Неужели это правда?

Поденщик отвел глаза в сторону.

– Давно это было. Он пожаловался, что ваша мать не дает ему. Что мне было делать, кроме как послушаться своего хозяина? Но я хочу, чтобы Лувиса избежала такой участи.

– С ней это не произойдет! – пообещал Дагвинд.

Он вернулся в дом расстроенный и задумчивый. В библиотеке было все, что касалось семейства. Он нашел требуемые бумаги – все, за исключением некоторых. Тогда он продолжил поиски. Там был шкаф, который был всегда заперт, сколько он себя помнил. Ключа он и сейчас не нашел, однако замок оказался настолько прост, что его можно было открыть и гвоздем. В нем тоже были бумаги и ларец, который он вскрыл.

Дагвинда чуть не стошнило, когда он прочел то, что написал домашний врач Альвар Хаке. Когда мать родила его, она чуть не умерла, но не от обычной болезни, которая ста-

ла причиной того, что она больше никогда не могла иметь детей.

Этот недуг был льюисом, также называемым сифилисом, и Дагвинд прочитал черным по белому, что ее заразил отец. Кристина Мартинссон, скорее всего, должна была умереть от этой болезни, писал Хаке, но этого не случилось. Ему были известны случаи, когда эта болезнь по неизвестным причинам отступала.

Дагвинд преисполнился гневом. Он уже многое знал из медицины, в частности то, что зараженная сифилисом мать могла заразить через кровотоки свой плод во чреве. Его собственный отец не только заразил свою жену этой болезнью, но и подверг своего ребенка риску, что тот родится с этой страшной болезнью.

Он вернул бумаги на место и пошел в свою комнату. В течение нескольких часов он вынашивал планы, как наказать своего отца, но потом его мысли свернули в другое русло. Он не был судьей или палачом. Доктор Петер á Налдвик крепко вбил ему в голову, что единственной обязанностью смыслящих в медицине людей было лечить других.

И он взялся за книги и узнал, что сифилитики могут страдать от неизлечимых ран. В них было написано, что застарелый сифилис с трудом поддается лечению, но также и то, что вполне возможно устранить симптомы.

Лекарство было трудно приготовить, да и в доме не было всех необходимых ингредиентов. Поэтому он приказал за-

прячь лошадь в коляску и через некоторое время уже ехал в Нюлёсе. Ему открыл доктор Ладеманн, с удивлением посмотрев на список, который протянул ему Дагвинд.

– Ты попал в беду, парень? – спросил он.

– Не задавай вопросов. Просто помоги мне!

Через какое-то время он вернулся домой с основанным на ртути лекарством и мазью того же содержания. Он собрался с духом, чтобы не выдать свое отвращение, когда он давал отцу микстуру и смазывал рану мазью. Он сменил повязку на ноге и вышел из комнаты.

Улоф Мартинссон не произнес ни слова. По лицу сына он понял, что не время для разговоров.

Через два месяца рана стала гноиться меньше. Отцу тоже стало лучше, так что он вновь стал баловаться своей глиняной трубкой.

В эти два месяца Дагвинд несколько раз встречал Лувису, дочь поденщика Янте. Она была красива и все больше нравилась ему, но он страдал оттого, что не может поговорить с ней ни о чем ином, как о погоде и ветре. Лувиса не была глупа или неразумна, но она в основном не знала ничего из того, что не имело отношения к сезонным растениям и поведению скота.

За три недели до того, как король Густав II Адольф во второй раз объявил, что собирается в эти края и требует, чтобы его поселили в усадьбе Энггорден, Дагвинд впервые побывал дома у Маттиаса Янте и его дочери. Ему показалось по-

что невозможным, что за двадцать один год, что он прожил здесь, он никогда не был вблизи домишек работников усадьбы. Когда он был совсем маленьким, он играл с их детьми, но на приличном расстоянии от их жилищ.

По Божьей воле положение людей было разным, но Дагвинд был поражен тем, как велика была эта разница.

Домишки в небольшой деревне недалеко от сторожки у ворот усадьбы скрывались в густой роще. Это были одноэтажные бревенчатые избы четырехугольной формы, рубленные в замок. Крыши были покрыты дерном, и на одной из них стоял козел и щипал траву. В избе было также маленькое квадратное окошко стороной в пол-локтя, затянутое пергаментом. Оно было единственным в избе. В деревне стояла вонь, хотя и иная, чем в Нюлёсе, как отметил Дагвинд. У него перехватило дыхание, когда Маттиас открыл дверь, приглашая его войти. Дверной проем был таким низким, что пришлось согнуться, чтобы пройти внутрь, осторожно перешагивая через высокий порог, чтобы не споткнуться.

– Это от молодняка, – объяснил Маттиас. – Мы не хотим, чтобы он заходил в дом.

Внутри стоял стол длиной чуть ли не во всю избу. Вместо печи был открытый очаг, в котором горел огонь, дававший хоть какой-то свет. Единственная комната не была обита досками, так что были видны бревна. Щели между ними были замазаны коровьим навозом, смешанным с глиной.

Дагвинд отскочил в сторону, почувствовав, что наступил

на змею, растянувшуюся в тепле избы. Лувиса, сидевшая за столом вблизи очага, штопая чулки, засмеялась, заметив его испуг.

– Выброси ты этого змея! – выдохнул Дагвинд.

– И не подумаю, – ответила Лувиса. – Он домашний, наш домовый, и если мы будем плохо относиться к нему, то он найдет на нас несчастье.

Она отложила в сторону чулок и иглу. Дагвинд огляделся в полутемной комнате. У каждой из торцевых стен стоял шкаф для спанья⁷. Маттиас уловил его взгляд и потупился.

– Я оставляю вас одних, – хрипло выговорил он.

Дагвинд секунду рассматривал девушку. По ней было заметно, что она готовилась к чему-то, чего явно не желала. Она, видимо, испытывала те же чувства к нему, что и он к ней. У нее, как и у него, слова застряли в горле. Она не горела желанием улечься с ним, но была готова это сделать – ведь он был хозяином, владельцем усадьбы.

Дагвинд покачал головой и вновь надел шляпу.

– Я зашел, только чтобы посмотреть, как вы живете, – соврал он. – Теперь я знаю, так что я пошел домой.

Он ее больше не видел до приезда короля. Тогда она трудилась на кухне. После этого она снова исчезла на какое-то время. Две недели спустя, когда его величество уехал из усадьбы Энггорден, он заметил ее в поле и вновь почувствовал жар в паху. Однако он подавил свои чувства и по-

⁷ В то время люди спали полусидя.

дошел к Маттиасу, который стоял в стороне и правил косу, чтобы скашивать траву на обочине.

— У меня пока не будет времени работать в поле, — сказал Дагвинд. — Я убедился в том, что ты настоящий знаток в сельхозработах. Я хочу, чтобы ты возглавил их в качестве управляющего, или как он там называется. Ты будешь получать за это дополнительную плату, Маттиас.

Крестьянин сгреб с головы шапку и поклонился.

Дагвинд вернулся домой. В последнее время отцу становилось все лучше и лучше. Мазь помогала, может, и настоялка тоже.

Дагвинд сменил повязку на ноге, отметив, что рана начала зарастать.

— Спасибо тебе, сынок, — сказал Улоф Мартинссон. — Еще недавно я велел тебе прекратить эти медицинские глупости. Ты сказал, что можешь лечить больной скот. Похоже, что тебе это удастся.

— Когда знаешь, в чем дело, легче лечить, — холодно ответил Дагвинд.

— Так ты знаешь?

— Да, знаю! — сказал он. — Ты мой отец, и я не хочу видеть, как ты лежишь в постели до конца жизни. Я вынужден принимать тебя таким, какой ты есть, родителей не выбирают. Я, может, и вылечу твою ногу, но не саму болезнь. Она у тебя давно... и с ней ты натворил много бед, так что я не могу тебя простить!

– О чем ты говоришь? – рявкнул старик. – Это уже наглость! К чему тебе прощать меня?

– Был бы я более верующим, может, я бы и простил тебе то, что ты причинил моей матери и жене Маттиаса Янтеса... и, возможно, мне!

– Ты несправедлив! Я не знал...

– Я тебе не верю, отец! – сказал Дагвинд. – Но я продолжу лечение. Еще немного, и ты встанешь на ноги.

Отец опустился на подушки, и в глазу его что-то заблестело, а потом выкатилась и сползла по скуле слеза.

– Правда в том, что я не знал, но я не хочу пережевывать это с тобой, ведь ты уже все для себя решил, – вымолвил он хриплым басом. – Но здорово, что я смогу встать с постели. Выдвини-ка ящик в буфете!

Он указал на буфет, стоявший в углу комнаты. Дагвинд послушался. В ящике лежали два конверта. Оба были адресованы ему.

– Письма мне? – вопросительно воскликнул Дагвинд.

Когда он их перевернул обратной стороной, то увидел, что печати сломаны, и в нем вновь поднялась неприязнь к старику в постели.

– Да, я их прочел! – сказал отец. – Ты мой сын, вот я и прочел их. Первое – от управляющего королевским двором Нильса Шерншёльда из Эльвсборга. Он получил письмо от господина Брандта из Стура-Горда, который утверждает, что ты знаешь все, что нужно знать морскому офицеру. Он

присвоил тебе звание лейтенанта. Поздравляю.

– Спасибо.

– Второе письмо – из королевского дворца в Стокгольме. Должно быть, ты произвел впечатление на короля. Он хочет, чтобы ты приехал к нему, у него для тебя есть поручение.

Глава третья

Дагвинд стоял во дворе с котомкой на спине. Мать обняла его. Отец протянул руку на прощанье, но Дагвинд не пожал ее.

Он старался простить Улофа Мартинссона, но у него ничего не вышло. Теперь старик был вновь на ногах. Рана более-менее залечилась, и Дагвинд заготовил новую большую порцию мази с инструкцией служанке, как ее применять. Имелась также настойка для внутреннего применения, которой должно было хватить на какое-то время.

Мать Кристина заплакала, услышав, что король хочет отнять у нее сына.

– Он пошлет тебя на войну! – сказала она. – У королей на уме только война, на суше и на море. Молодые парни должны умирать невесть за что.

– Ты не ведаешь ни о чем, – взорвался ее муж. – А король знает, что делает. Страну надо защищать.

Кристина подготовила все, что, по ее мнению, могло потребоваться ее сыну на долгом пути в Стокгольм, и с ней чуть ли не истерика случилась, когда Дагвинд заявил, что он не может столько взять с собой.

– Мне некого попросить отвезти меня в столицу, – сказал он. – Дорога, как сказано, дальняя, и поскольку отец не очень-то трудопособен, все должны оставаться дома

и работать. Я буду добираться на своих двоих. В письме от короля не было сказано, что я должен спешить.

Однако случилось так, что первый десяток километров он проехал в двуколке. Ну что ж, целее будут башмаки.

Во двор въехала старая двуколка, и Дагвинд не без удивления увидел, что на облучке сидит Маттиас Янте. Котомка была уложена в багажное отделение двухколесной коляски, а Дагвинд уселся на сиденье. Мать снова заплакала.

– Поехали! – приказал юноша. – Не могу видеть, как взрослые плачут.

Маттиас натянул вожжи, и лошади пошли. Они ехали по длинной аллее по направлению к сторожке. Когда коляску не стало видно со двора, Дагвинд перебрался на козлы и уселся рядом с Маттиасом Янте.

– У тебя что, есть время на извоз? – спросил Дагвинд.

– По правде говоря, нет, но мне хотелось использовать эту возможность, чтобы поблагодарить тебя, – ответил поденщик. – Большое тебе спасибо за то, что ты сделал, или, скорее, не сделал, когда был у нас дома. Ты знаешь, что я никогда бы не протестовал, если бы ты пожелал взять Луви-су, но тогда мы бы больше не были друзьями. Но теперь мы по-прежнему друзья... если ты не против.

Дагвинд потупил взгляд.

– Мне она нравится, может, даже больше, чем я могу признать, но мы так далеки друг от друга, – сказал он. – Между нами не может быть ничего серьезного, как бы нам того ни

хотелось. Я, наверное, не вернусь из этой поездки. И я хочу, чтобы ты и Лувиса по-доброму вспоминали меня.

Они купались в лучах утреннего солнца. Оба сидели молча, ведь все уже было сказано. Дорога на север была ухабистой, дрянной. Пару раз они останавливались, чтобы перекусить, в местах, которые именовали себя постоялыми дворами, хотя были всего лишь жалкими харчевнями.

Ближе к ужину Дагвинд благоразумно решил сказать Маттиасу, что тому пора возвращаться, чтобы попасть домой до полуночи.

– Тут есть еще один постоялый двор, – с усмешкой сказал поденщик. – Такой же, как и те два, но там ты, по крайней мере, сможешь переночевать. Может, кто-нибудь подвезет тебя дальше.

В лачуге была лавка с грязным рваньем вместо постельного белья, но у Дагвинда теперь не было выбора. Он уплатил те гроши, которые от него потребовали за ужин и ночевку. Потом подошел к забору и увидел удаляющуюся коляску Маттиаса.

На следующий день он был один, не найдя никого, кто мог бы его подбросить, поэтому он закинул котомку за спину и двинулся в путь пешком. До Стокгольма было действительно далеко. Больше двухсот четвертей шведской мили. Старая четверть шведской мили означала, что надо было девятьсот раз поставить одну стопу вплотную за другой стопой. Но нормальные люди так не ходят, во всяком случае на рас-

стояние этих двух тысяч шестисот семидесяти двух метров⁸.

Однако ноги надо переставлять, чтобы вообще куда-нибудь прийти.

Шли дни и ночи. Иногда он не находил постоянного двора и ночевал под открытым небом. Время от времени его нагоняла какая-нибудь повозка, и он проезжал на ней отрезок пути, давая отдых ногам. Но редко бывало, чтобы этот отрезок был длинным.

Одна ночь из многих других на его пути ему запомнилась. Он набрел поздним вечером на отдельно стоящую крестьянскую лачугу, в окошке которой мерцал свет. Он осмелился постучать.

Его впустила женщина, и за монету он получил ужин и обещание переночевать вместе с коровами на скотном дворе. Однако ему не пришлось ночевать с животными. Женщина, которая была не намного старше него, хотя уже выглядела старой и измученной, рассказала ему, что ее муж ушел на войну. От него уже давно не было вестей. Дагвинд слушал ее жалобы, а она, поняв, что он готов ее слушать, достала фляжку. В ней было старое вино, отдававшее уже уксусом. Женщина разделила с ним содержимое фляжки, а ночью – постель.

Он пришел в столицу Швеции ночью и под дождем добрался до дворца. Его не впустили, хотя он показал письмо короля начальнику стражи.

⁸ От Гётеборга до Стокгольма 468,5 км.

Позвали адъютанта, и Дагвинду было сказано, что ему надо идти в замок и показать свое письмо там. Там, может случиться, ему позволят переночевать. Если он вернется сюда утром следующего дня, он может встретиться с королем или с кем-то, кто ближе к королю, нежели адъютант.

Дагвинд получил инструкции, как ему идти, но все же заблудился. На часах было уже начало второго ночи, когда он наконец добрался до указанного места, где опять была стража, не желавшая его впустить.

Бумага не помогла, так как стражник не умел читать. Но он позвал фельдфебеля, который худо-бедно по складам прочел письмо, после чего позвал своего начальника.

– Лейтенант уже побывал во дворце?⁹ – полюбопытствовал офицер, тщательно прочитав все письмо. – Вам надо туда!

Дагвинд Мартинссон вздохнул и рассказал всю историю сначала, после чего был впущен в казарму, в которой лежала масса людей. Запах пота и прочих человеческих отправления был ошеломительный.

– Сожалею, но я не могу предоставить ничего лучшего в столь короткий срок, – сказал офицер. – В этот поздний час я не хочу никого будить в помещении для офицеров.

– Понимаю, но мне все равно, – ответил Дагвинд. – Мне приходилось ночевать по дороге сюда в местах похуже этого. Нары были устланы соломой, поверх которой было набро-

⁹ В Швеции возможно обращение к собеседнику в третьем лице.

шено старое одеяло, но Дагвинд настолько устал, что заснул мгновенно. Однако ему недолго пришлось отдыхать. После часового сна, который длился, как ему показалось, лишь пару секунд, он проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо. Он открыл глаза и увидел темный силуэт, едва видневшийся в свете фонаря.

– Лейтенант должен немедленно встать! За вами пришла карета.

Он узнал этот голос: он принадлежал офицеру, показавшему ему дорогу к казарме. В помещении слышался непрерывный храп и кашель, а воздух стал еще гуще от смрада. Дагвинд уселся на нарах, протирая глаза.

– Карета? – переспросил он, не понимая.

– Из дворца.

Он спустил ноги с нар и накинул кафтан. Офицер взял его суму.

Возле казармы на промокшем от дождя гравии экзерсис-плаца в свете луны, пробивавшемся сквозь рваные тучи, стояла карета. Она была высокой, черной и крытой, а на облучке сидел человек в грубом плаще и большой шапке. В одной руке он держал вожжи, а в другой – кнут. Меж оглоблей перебирала копытами пара лошадей. В лунном свете был виден золотой орнамент на карете.

Угрюмый человек в темной униформе принял суму Дагвинда и открыл дверцу кареты.

– Что все это значит? – спросил Дагвинд. – Кому я пона-

добился в такую рань?

Ответа не последовало, молчун лишь пожал плечами, а затем закрыл дверцу кареты за ним, уселся рядом с кучером на кожаное сиденье, и колеса закрутились.

Через короткое время он увидел дворец с высокой кирпичной стеной. На верху стены была насыпана земля, на которой росла трава. На валу и за стеной стояли деревянные домишки. Большинство из них были крыты берестой или просто утрамбованной землей. В них проживал служивый люд самого низкого ранга, а часть домов использовались как складские помещения.

Карета остановилась перед воротами, над которыми был вырублен год: «1548». Стражи проснулись, и один из них пошел к карете. Молчун соскочил с облучка и что-то сказал стражу, который тут же вытянулся.

Дверца кареты открылась, и молчун, не говоря ни слова, показал, что Дагвинду пора выходить. Он протянул суму своему пассажиру и опять же жестом пригласил Дагвинда следовать за ним по деревянному мосту, на этот раз покрытому сухим гравием.

Пройдя еще через одни ворота с двумя украшенными вензеями башнями, они очутились на большой дворцовой площади. Снова пошел дождь, и лунный свет исчез, как по волшебству. На безлюдном дворе был лишь патруль, совершавший обход.

Молчун направился к широкой беломраморной лестнице

на южной стороне квадратного двора. Балдахин над лестницей промок от дождя и напоминал огромный гамак. Можно было различить только то, что он был красным. Часть дворцовой площади освещалась факелами. Подсвечивались также мраморные ступени лестницы, ведущей к небольшой площадке в десяти метрах выше уровня площади. На этой площадке возвышалась башня, называвшаяся «Тре Крунур»¹⁰, – главный ориентир крепости. Весь район обрамляли великолепные дома.

Они прошли через несколько залов по коридорам, в которых стояли часовые с остроконечными копьями. Наконец молчун, которого Дагвинд к тому времени считал немой, остановился перед высокой, украшенной орнаментом дубовой дверью. У двери стояли два красиво одетых лакея.

– Пропустите нас, – сказал немой. – Нас ждут.

За этими большими дверями находилась спальня. Посреди этого большого покоя стояло ложе – огромная кровать под балдахином, а в кровати лежал человек, в котором Дагвинд признал Густава II Адольфа.

– Стоит ли тревожить его величество в его личных покоях? – прошептал Дагвинд в ухо своему провожатому. – Думаю, это неприлично!

Тут с лица провожатого впервые слетела его мрачная маска. На губах появилась едва заметная кривая улыбка, а глаза сверкнули.

¹⁰ «Три короны».

– Это королевское ложе для приемов, – прошептал он в ответ. – Еще пару шагов, и мы останавливаемся и кланяемся!

Дагвинд последовал его примеру и отвесил довольно глубокий поклон. Густав Адольф приподнялся на своей перине, заняв более удобное положение, и жестом пригласил их придвинуться поближе.

– Где ты был, Дагвинд Мартинссон? – спросил король, не тратя время на приветствие. – Столько времени прошло с тех пор, как я написал письмо с приглашением приехать сюда!

– Я шел пешком из Эргрюте, – ответил юноша. – На это требуется время, ваше величество!

– Ты всю дорогу шел пешком? – сказал король, и теперь в его голосе послышались одобрителные нотки. – Ничего себе!

– Я пришел сюда вчера поздно вечером.

– Я узнал об этом какой-то час назад, – сказал Густав Адольф, показав рукой молчуну на выход. – Сожалею, что прием во дворце оказался несколько прохладнее, чем задумывалось. Если бы я узнал, кто это пришел, тебя бы впустили немедленно.

Дверь за мрачным провожатым закрылась, и они остались вдвоем в спальне.

– Ничего страшного, ваше величество.

– Теперь, когда мы одни, Дагвинд, можно сказать тебе, что

все это значит. Сядь на этот стул. Коли ты прошел такое расстояние, твои ноги, должно быть, устали.

– Благодарю.

– Я призвал тебя потому, что полагаю, что ты можешь принести мне и королевству бóльшую пользу. Но об этом позже. А сейчас мы будем есть, пить и говорить о том, что произошло с момента нашей последней встречи.

Он дернул за сигнальный шнур у кровати, и минуту спустя открылась дверь в конце комнаты. Слуга внес столик, непохожий на те, что приходилось видеть Дагвинду ранее. Крышка стола была перекинута через королевское ложе, и с другой стороны была быстро прикручена пара ножек. Со стороны Дагвинда столик изгибался углом, так что пришлось подвинуться. В комнату вошли молоденькие девушки с подносами, полными яств. Они принесли также вино, и все это было выставлено на стол после того, как стол был покрыт скатертью из толстого полотна.

Король оторвал ножку цыпленка и впился в нее зубами. Затем он наполнил свой серебряный кубок рейнским и сделал пару больших глотков. Слуги исчезли, и дверь закрылась.

– Ешь! – сказал Густав Адольф.

Дагвинд набросился на стоящие перед ним лакомства. Внезапно он понял, насколько он был голоден. Последний раз он ел на постоялом дворе за три мили¹¹ от столицы, и это

¹¹ Шведская миля равна примерно 10 километрам.

была трапеза, которую он предпочел бы забыть. Почти гнилая репа с холодной кашей комками и пиво домашнего приготовления, в котором все еще плавали дрожжи. Теперь все было по-другому. Он кивком выразил свою благодарность правителю королевства и стал лихорадочно поглощать яства.

Король с интересом разглядывал его, на его губах блуждала легкая улыбка. Его величество то и дело поднимал свой бокал и чокался с юношей из Гётеборга. Дагвинд попробовал пиво из Ростока и пиво из Гамбурга, Людека, Штеттина и Штральзунда. Большими глотками он отведал рейнское и испанское вина. Густав Адольф смотрел с прищуром. Он наслаждался видом своего гостя, отдававшего должное накрытому столу.

– Попробуй вот это! – сказал он, когда Дагвинд, съев кусок шуки, вытирал губы салфеткой.

– Что это? – любопытствовал юноша, разглядывая стоявшие на столе маленькие глиняные графинчики, напоминавшие луковицы.

– Ром! – сказал король. – Добрый напиток для настоящих моряков. Этот ром привез специально для меня владелец Южной компании Виллем Усселинкс.

Дагвинд наполнил свой бокал. Он уже потерял счет выпитому им, но это не имело значения, когда его король желал, чтобы он продолжал пить. Хотя у него и начала кружиться голова и появилось чувство неустойчивости, даже сидя на стуле. Ром был крепким, но вкусным. По знаку короля он

вновь наполнил свой бокал.

Они вели беседу в процессе жевания; Густав Адольф расспрашивал, что произошло на западном побережье после его отъезда. Дагвинд отвечал, насколько это ему удавалось, промывая горло ромом в промежутках между ответами. Ром в одном из глиняных графинчиков закончился, но ничего страшного: на столе стояло еще четыре таких же.

Вдруг Дагвинду почудилось, что его крепко ударили по голове. Тело поплыло. Он неотрывно смотрел на лежащего перед ним его величество, отмечая в то же время, что не может управлять своим телом. Его качало из стороны в сторону. Король рассмеялся, и чувствовалось, что ему доставляет безграничное удовольствие то, что он видит.

Тут в глазах Дагвинда померкло, и голова его поникла.

...Дагвинд пробудился с ужасной головной болью. Открыв глаза, он не понял, где находится. Он лежал в комнате с красными с позолотой обоями. Каменный пол был покрыт роскошным ковром, а постель, в которой он лежал, была не от мира сего. Он не знал, отчего проснулся. Сквозь окно, огромное, как ворота на скотном дворе в его родной Эргрюте, лился дневной свет. В дверь вновь постучали. Дагвинд хотел сказать «войдите», но раздалось лишь карканье.

Дверь все же отворилась, и в комнату вошла девушка с питьем и закуской на подносе.

– Завтрак, мой господин, – сказала она, сделав книксен.

Дагвинд уселся в постели, и на него напала страшная тош-

нота. Он понял, что его лицо запылало всеми цветами радуги, но он выдержал, пока девушка не вышла, и только затем выскочил из постели и нашел горшок под кроватью.

Чтобы съесть что-нибудь, не было и речи. Но на подносе стоял графин с водой, и он опустошил его. После этого он заметил конверт, выглядывавший из-под салфетки. Дрожащими руками он вскрыл его, тотчас же узнав почерк. Он был такой же, что и в письме, которое Дагвинд получил дома, в Энгтордене, в том, что позвало его в Стокгольм.

Это письмо тоже звало его: он должен немедленно быть в Рикссалене¹².

У входа в зал стоял паж. Казалось, что мальчишка ждал его. Паж с удивлением взглянул на фигуру Дагвинда в дверном проеме. Неужели надо было проводить в Рикссален, к правителю страны, этого оборванного нищего?

– Где это я? – простонал Дагвинд.

– Во дворце для знати. Мне велено проводить господина в Рикссален.

Когда Дагвинд пришел сюда накануне, в коридорах и на лестницах никого не было. Теперь все изменилось. Здесь был, казалось, нескончаемый поток людей. Они приходили и уходили. Один мальчишка пронесся мимо них на лестнице с охапкой бутылок с вином. Надо было подняться на несколько пролетов лестницы. Дагвинду пришлось остановиться и прижаться лбом к прохладной стене. Он чув-

¹² Большой зал в королевском дворце.

ствовал себя ужасно плохо, но признавал, что здесь нельзя блевать.

Паж остановился, поджидая его.

– Мы... сейчас придем, мой господин.

Рикссален был огромным залом. Дагвинд не имел ни малейшего представления, который час. Он посмотрел в окно, но из-за серой пелены дождя и темных низких туч на небе ничего не понял. Но все же догадался, что было уже не раннее утро. В этом большом зале стояли группы мужчин, видимо поглощенных беседой друг с другом. Подавляющее большинство из них были офицерами, облаченными в различную униформу.

– Подождите здесь, – сказал паж, когда они вошли в зал. – Я доложу, что господин уже здесь.

В зале было сыро, и Дагвинда пробрала дрожь. Тяжелые портьеры и толстые ковры на стенах не очень-то способствовали тому, чтобы здесь стало теплее.

Он сразу узнал короля, хотя теперь величество не был одет в ночную сорочку. Дагвинд подумал, что король несколько поправился с тех пор, как они встретились на западном побережье. Пуговицы камзола вели себя сомнительно на мощном животе. Под камзолом был вязаный свитер, ворот которого покрывал плечи и грудь, а кожаные штаны были заправлены в подвернутые кожаные сапоги на высоком каблуке. На боку висела шпага, рукоять которой была покрыта золотом.

Паж обратился к человеку, стоявшему рядом с Густавом Адольфом. Когда этот мужчина обернулся, Дагвинд узнал его по описаниям, которые слышал. Он был выше короля, облачен в черную бархатную одежду с ослепительно белым воротником вокруг шеи. Лицо было очень светлым, а волосы на голове и в бороде казались только что вымытыми. Это был наиболее могущественный человек в королевстве после самого короля – риксканцлер Аксель Оксеншерна.

Король выпрямил спину, пальцы его невольно потянулись к усам, он покрутил их кончиками пальцев, хотя необходимости в этом не было, так как они были достаточно навощены, чтобы самостоятельно топорщиться вверх.

Он двинулся к Дагвинду с канцлером Оксеншерной по пятам.

– Ты позеленел в лице, – засмеялся король, подходя к нему. – Что произошло?

– Ром – явно предательский напиток, ваше величество, – ответил Дагвинд Мартинссон.

– Совершенно верно, – сказал его величество. – А теперь поговорим серьезно, с глазу на глаз. Но не здесь, где слишком много ушей. Следуй за нами!

Они перешли в небольшую комнату с задернутыми шторами. Дагвинд отметил про себя, что король говорит по-шведски с меньшим акцентом, нежели во время встречи в Эргрюте, однако было ясно, что он охотнее говорил бы по-немецки. Он что-то сказал канцлеру Оксеншерне, переме-

жая свою речь латинскими словами.

В комнате были диван, несколько стульев и письменный стол. Оксеншерна жестом пригласил Дагвинда сесть. Король разместил свой обширный зад на диване, а Дагвинд опустился на один из стульев. Оксеншерна же уселся за письменным столом. Он обмакнул гусиное перо в чернильницу и положил перед собой чистый лист бумаги.

Дагвинд удивился. Встреча была столь важной, что надо было вести протокол?

– Ты, конечно, хотел бы знать, зачем я вызвал тебя в Стокгольм, – сказал король Густав Адольф.

– Подданому не подобает задавать себе такие вопросы, ваше величество, – ответил Дагвинд. – Когда правитель призывает тебя, ты должен повиноваться, и только.

Король улыбнулся. Говорили, что он холерик, но признаков этого Дагвинд не заметил. Густав Адольф хлопнул его по плечу, получив неодобрительный взгляд канцлера.

– Посмотрим, можешь ли ты угадать!

– Может, вашему величеству нужен лекарь... или фельдшер на войне?

Правитель рассмеялся, и смех его эхом прокатился меж каменных стен.

– Чуть не забыл, что ты исправил мое растяжение в Гётеборге. Но нет, не в этом качестве. У тебя есть несколько нужных мне свойств, дорогой мой Дагвинд Мартинссон. Ты говоришь по-немецки!

– Проходя через Рикссален, я слышал разговоры, которые заставляют меня думать, что немецкий – это язык, который все знают.

– Именно так! Но люди, на которых я смею полагаться, говорят на слишком хорошем немецком. Ты сказал, что можешь говорить на народном языке.

– На языке простолюдинов?

– Именно! К тому же ты знаешь голландский, это чудное кудактанье. Ты образован, но выглядишь как простолюдин. Тот, кто тебя не знает, никогда не поверит, что ты принадлежишь к знати. И уж никто из тех, кто видит тебя сейчас, таким оборванцем!

– Прошу меня извинить, ваше величество, – сказал Дагвинд. – Но путь сюда был тяжелый, и одежда, которую я взял с собой, в дороге поистрепалась.

Король устался в стену, и казалось, что он не слышит извинений. Оксеншерна в упор рассматривал Дагвинда, и взгляд его контрастировал с дружеским выражением на его лице.

– Ну, это понятно, что от того, кто воспитывался в таком окружении, нельзя ожидать иного, – продолжал король, и казалось, что он обращается к самому себе. – Это хорошо, очень хорошо!

– Я по-прежнему ничего не понимаю, ваше величество!

– Тебе придется пройти обучение, молодой человек, – сказал король. – Школу, которая будет трудна во многих от-

ношениях. Можно назвать это политическим образованием. Через год или два я собираюсь направить тебя за границу, Дагвинд!

– Ваше величество?

– Ты поможешь мне быть в курсе того, что происходит в Европе! Узнать, что эта нечисть в Польше и на германском побережье думает о Швеции, боятся ли они нас, кем нас считают.

С глаз Дагвинда спала пелена. Теперь он понял: Густав II Адольф думал сделать из него шпиона.

Глава четвертая

Время шло – турбулентное и хаотическое время. Хотя это было так давно, что сейчас воспринималось как нормальное состояние.

Турбулентность носила личный и одновременно политический характер, и эти особенности ее были диаметрально противоположны друг другу. Двумя противоположностями были война и любовь. С военными аспектами справлялись король и его подданные. На долю Дагвинда пришлась любовь.

Но эта любовь не была лишена риска. Женщину, завоевавшую его сердце, звали Эмилия Поссе, и она была замужем за графом. Они встретились на одном из бесчисленных мероприятий, которые организовывались в стокгольмском дворце. Дагвинд стал жертвой ее красоты и мудрости. Он начал ухаживать за Эмилией, и она не могла не заметить этого. Сперва она, конечно же, благонаравно уклонялась от сближения, довольствуясь болтовней о том о сем, но довольно скоро поняла, что Дагвинд не принадлежит к числу искусных собеседников. Однако постепенно она обнаружила в нем другие качества, и чувство симпатии друг к другу у них стало обостряться.

Оно обострилось настолько, что Эмилия стала все легче забывать, что, вообще-то, она была замужней дамой. Мужа,

конечно, дома не было. Она фактически не виделась с ним уже более года. Граф Вильгельм Поссе был одним из королевских офицеров, которые удерживали население Ливонии под шведской пятой.

Прошло не более полутора недель с момента встречи Дагвинда и Эмилии, как они стали любовниками. Не менее трех раз в неделю Дагвинд уходил из своей продуваемой сквозняком холостяцкой квартиры у площади Йернторгет и шел по тысяче улочек и переулков старого города к ее дому – особняку с завидно красивым фасадом. На эти три вечера в неделю Эмилия отпускала свою челядь домой.

Они изо всех сил старались держать свою любовную связь в тайне, но Стокгольм, что ни говори, был все же маленьким городом, и поскольку Швеция была в состоянии войны, власти держали своих граждан под контролем.

Однажды Дагвинда вызвали к канцлеру Оксеншерне, который сделал ему замечание и предупреждение.

– Вы стараетесь в тайне держать свои отношения, – сказал канцлер. – Очень правильно, что вы это делаете в данных обстоятельствах. Но то, что известно мне, могут узнать и другие. К тому же у Вильгельма Поссе есть друзья, которые могут донести ему и через море.

– Это приказ? – спросил Дагвинд.

– Нет, в данный момент я ничего не приказываю, – ответил Оксеншерне. – Но будет плохо, если ваш роман сведет на нет планы на тебя, Мартинссон, имеющиеся у коро-

ля и у меня. Если Вильгельм Поссе, этот вспыльчивый упрямец, узнает, что ты спишь с его красавицей женой, он постарается отомстить. Можешь быть уверен. И у него есть друзья в Стокгольме, которые не колеблясь помогут ему в этом.

Но Дагвинд был слишком влюблен, чтобы отдать должное серьезности этого предупреждения. Он продолжал встречаться с Эмилией и теперь возвращался от нее. Он ушел от нее, как обычно, очень рано, чтобы не встретиться со слугами, вернувшимися на работу.

Лейтенант Дагвинд Мартинссон зевал тем ранним утром. Он посетил торговые ряды в Слюссене¹³, где была харчевня, в которой предлагали на завтрак действительно съедобные блюда. Теперь он был сыт и весьма доволен. Утренний туман все еще висел над водой в стокгольмском порту, но на набережных уже вовсю кипела жизнь. Жены лодочников-перевозчиков точили лясы с береговыми и моряками. Все места на причалах в Коггхамнене были заняты. Там борт о борт стояли большие и малые суда, так тесно, что желающие могли пройти по ним из дальних уголков порта, не ступая на набережную.

Он шел прогулочным шагом вдоль набережной в сторону дворца, хотя ему в тот день там нечего было делать. Он наконец-то получил задание. Он впервые отправлялся шпионить после месяцев основательной учебы.

¹³ Район Стокгольма – шлюзы, соединяющие озеро Меларен с Балтийским морем.

Одним из его учителей был, вообще-то, капитан корабля, который должен был доставить его по Аландскому морю в важный город Або в Финляндии. Это был морской волк и государственный служащий Клас Ларссон Флеминг, умелый малый, всего лишь на восемь лет старше Дагвинда, который, как все считали, в обозримом будущем должен стать по меньшей мере королевским советником.

Несмотря на столь раннее утро, на своем обычном месте сидел нищий. Дагвинд вынул монету и готов был бросить ее в шляпу нищего, проходя мимо него. Поговаривали, что существо в гадких лохмотьях, распространяющее отвратительную вонь, когда-то было благородным человеком, который читал и толковал писания. Его звали Йоран Бенгтссон; с годами он становился все более безумным. Не то что он был буйным, но он вбил себе в голову, что никто в стране не может толковать писания так, как он. Но не так много писемников удостоились его милости, и от него отвернулись.

Бенгтссону пришлось прекратить свою работу. Одно время говорили, что он ведет где-то детские игры, выступая в роли судьи на мероприятиях, на которых дети разгадывают загадки. Но поскольку только сам Бенгтссон знал верный ответ, он и там не удержался. Теперь он жил на ту скудную милостыню, которую давали ему прохожие на его месте возле дворца.

Минуту спустя Дагвинд был уже на стокгольмской верфи. Там всю кипела жизнь. Закладывали новый корабль.

В ближайшие годы требовалось много новых военных судов. Король принял решение вновь идти на Ливонию, а оттуда на юг, в Пруссию. Швеции надо было получить контроль над важными торговыми путями к Балтике, множество которых проходило по Польше. Это должно было укрепить положение Швеции как ведущей морской державы.

На верфи работали три сотни искусных корабелов. Многие были простыми рабочими, но их число росло по мере необходимости. Важнейшими из них были разного рода специалисты, находящиеся в подчинении хольмадмирала¹⁴ и его заместителя гордскаптена¹⁵. Первыми из специалистов были, конечно же, корабельный мастер Хенрик Хюбертссон де Грот и его брат Арендт. Оба были из Голландии, и оба управляли корабельными плотниками, пильщиками, токарями, кузнецами, канатчиками и смолокурами, а также всеми другими, кто был необходим для того, чтобы поставить морское судно на киль.

Мастер Хенрик, как Дагвинд узнал за короткое время своего пребывания в Стокгольме, был искусным кораблестроителем, снабжавшим шведов новыми кораблями с начала столетия.

Чтобы попасть на верфь, Дагвинду пришлось сделать большой крюк, ведь судно, на котором он должен был идти в Финляндию, он уже прошел. Но приказ есть приказ. Имен-

¹⁴ *Ист.* адмирал, управляющий верфью.

¹⁵ *Ист.* капитан, заместитель управляющего верфью.

но здесь он должен был получить конверт за печатью с заданием на Або.

Его несколько удивило, что сам де Грот вышел из своей конторы и уверенно пошел к нему.

– Гудеморген¹⁶, Дагвинд, – сказал де Грот, когда парень с западного побережья поздоровался с ним на его языке, как это обычно бывало раньше, когда они встречались. – Пойдем в контору. Я должен передать тебе кое-что.

Конверт лежал в запертой шкатулке. Дагвинд сунул его под плащ, узнав, что его нельзя было вскрывать до того, как он выйдет из порта и уйдет достаточно далеко в сторону своего финского пункта назначения.

С его языка готов был сорваться вопрос, но де Грот покачал головой, и Дагвинд понял, что ответа не получит. Вместо этого он подошел к окну и выглянул наружу. На верфи появился обоз, доверху груженный дубовыми бревнами различной формы и размера. Лошади были взмыленные, и только возница на передней повозке выглядел так, будто он как следует заложил за воротник на завтрак.

– Много дуба требуется, – сказал Дагвинд.

– Для строящегося сейчас корабля у нас достаточно и местного материала, – ответил корабельных дел мастер. – То, что прибыло сегодня, заготовлено в средней и южной Швеции. Но через пару лет будет хуже...

– Почему?

¹⁶ «Доброе утро» (по-голландски).

– Мне намекнули, что будет заказ на большой, ну просто огромный корабль. Я уже начал работать над корабельным набором к нему. Думаю, что этот корабль будет называться «Новый Васа»¹⁷. Вот бы тебе на него попасть, Дагвинд.

– Поживем – увидим, – ответил, улыбаясь, Дагвинд Мартинссон. – Сейчас мне надо думать о другом. Разрешите поблагодарить вас и одновременно пожелать вам удачи, менеер де Грот¹⁸.

Дагвинд вышел из конторы на верфи. Он остановился и стал рассматривать корабль, строящийся на голландский манер. К килю были присоединены шпангоуты, которые теперь обшивали досками снизу вверх, соединяя их специальными гвоздями. Было видно, что не так-то много недель пройдет, когда корпус будет спущен на воду, где он будет доведен до готовности. Это будет небольшой военный корабль водоизмещением 100—150 ластов¹⁹, требующий экипажа в количестве до сорока человек.

В военно-морской гавани он вскоре отыскал корабль, который должен перевезти его через море. Он был больше того строящегося, которого видел Дагвинд, водоизмещением около 200 ластов. Дагвинд поднялся на борт и был сопровожден в каюту капитана.

У командующего Флеминга на него было не так-то много

¹⁷ Васа – шведская королевская династия.

¹⁸ «Господин де Грот» (*по-голландски*).

¹⁹ Старая шведская мера, равная примерно 2,5 тонны.

времени.

– Я знал, что ты должен подойти, – сказал он. – По моему приказу тебя должны высадить на землю в Або.

– Так точно.

– Тебя не занесут в судовую роль²⁰, – продолжил Флеминг. – Так что не буду притворяться перед тобой. Найди себе место на время рейса.

Он показал рукой, что Дагвинд может идти, и не успела закрыться за вновь прибывшим дверь, как командующий опять склонился над бумагами и картами на капитанском столе.

Дагвинду показали укромное место на верхней пушечной палубе. Ничего особенного, такие места были обычно отведены для старшего командного состава; во всяком случае, ему не придется спуститься в трюм, где теснилась команда и где приходилось спать там, где удавалось улечься на палубу.

Он отложил в сторону свою котомку, проверил конверт под плащом. После этого он вышел на палубу и облокотился о планширь²¹. На корабле и внизу, на причале, все было в движении. Корабль свободно стоял на воде, освободившись от швартовов²², кормой вперед. На причале группа плохо одетых мужчин начала тянуть толстый канат, привя-

²⁰ Список членов экипажа.

²¹ Перила на судне.

²² Тросы, которыми привязывают судно к причалу.

занный к корме, и корабль стал медленно разворачиваться. Корма была приведена в движение усилиями выбирающих трос мужиков, и через минуту корабль начал идти вперед.

Через какое-то время трос был выбран, но к тому моменту корабль уже медленно скользил к открытой воде. На борту засвистели боцманские дудки, и матросы стали взбираться по вантам, другие выбирали²³ концы²⁴, поднимая паруса. Паруса, представлявшие собой большие полотна ткани, распрямились от ветра, наполнявшего их. Рулевой налегал на штурвал, преодолевая сопротивление набирающего ход корабля. Корабль выпрямился, нос его был направлен к выходу из гавани, где, казалось, несли вахту зеленеющие острова.

Они добрались до острова Фурусунд только к вечеру и встали там на ночь на якорь. Дагвинду приходилось слышать, что моряки на военных судах живут очень просто, однако он не ожидал увидеть на борту судна, находящегося вблизи берега, такую пищу.

Поскольку он был пассажиром, не занесенным в судовую роль, ему пришлось довольствоваться той же пищей, что и нижние чины, – сушеной соленой рыбой, убогим куском тухлого мяса, ломтем хлеба, намазанным прогорклым маслом, и двумя кружками корабельного пива²⁵. От этого пива

²³ Тянули.

²⁴ Общее название веревок.

²⁵ На парусных судах в Швеции не было пресной воды, так как она быстро портилась; ее заменяли пивом.

ему стало еще горше: он все же был офицером, и ему был положен по крайней мере фогдеэль, который пил младший командный состав. Старший командный состав получал, конечно, господское пиво, которое было значительно крепче и вкуснее пива, которое полагалось нижним чинам.

Однако он понимал, что лучше было не жаловаться. Он должен был быть незаметным в этом рейсе, чтобы его не видели и не слышали.

Ночью стало холодно на палубе, и он начал замерзать, несмотря на то что завернулся в свой плащ. Утром его угостили кашей, но все его члены и мускулы так окоченели, что он с большим трудом смог вытащить ложку из внутреннего кармана.

Шпиль²⁶, вокруг которого ходили матросы, поднимая якорь, скрипел и скрежетал. Все тяжело трудились, чтобы поставить паруса. Этот изнурительный труд согревало ожидание того, что этим днем они выйдут в открытое море и больше не надо будет становиться на якорь на ночь до прихода в пункт назначения.

Переход через Аландское море был спокойным. Им повезло с ветром. Поэтому не прошло и трех дней, как показался город Або на реке Аура. В устье ее на холме стояла мрачная крепость Або.

Спустя два часа после того, как показалась крепость, корабль пришвартовался у деревянного причала на протя-

²⁶ Ручная лебедка.

женной набережной, окруженной складскими помещениями. Дагвинд Мартинссон одним из первых сошел на берег. Солнце светило на него сверху, воздух был пронизывающе свеж, но он уже знал, зачем он здесь.

Несколько лет назад разразилась война. Часть света, хорошо известная шведам и их соседям, стояла в огне. Швеция и Польша были заклятыми врагами и могли начать войну друг с другом по окончании войны с Данией и Россией.

Вражда между Польшей и Швецией объяснялась тем, что король Польши Сигизмунд, двоюродный брат короля Густава II Адольфа, не желал уступать в своих притязаниях на шведскую корону. Во всяком случае, это была официальная версия. В действительности причина заключалась в том, кто должен был контролировать земли, некогда принадлежавшие орденовому государству²⁷. Более всего оба этих регента хотели бы подчинить себе Лифляндию, очень важную с экономической точки зрения страну.

В тот самый год, когда Дагвинд впервые встретился с королем, – 1621 год – Рига была захвачена шведами. Это был самый крупный и богатый город в Лифляндии. Однако оккупация страны была ненадежным делом. Шведские оккупационные войска беспрерывно подвергались нападению. Кроме того, солдаты сильно болели, вероятнее всего из-за плохого питания и обмундирования.

²⁷ Ливонское немецкое государство, владевшее эстонскими и латвийскими землями.

Ныне Густав Адольф вынашивал планы нового нападения со свежими войсками на Лифляндию и польскую Пруссию, где заманчивой целью был город с немецким названием Пиллау, иногда называвшийся также Балтийск.

Чтобы на чем-то основывать свои дальнейшие планы, королю надо было знать, о чем думают простые люди в этих краях, какая часть знати – а с ней и ее подданных – поддержит Швецию, если шведские войска окажутся сильнее.

Шпионы, которые могли бы это разузнать, там имелись. Однако, поскольку они были разбросаны по разным местам и не могли иметь всей картины, их донесения надо было свести воедино. А такую тонкую работу мог проверить не всякий. В данном случае «не всяким» был Дагвинд Мартинссон. Он обучался этим вещам много месяцев. Вначале он мало что понимал, но постепенно научился, как складывать вместе разрозненные части головоломки.

– Тебе легко дается стратегия, Дагвинд, – говаривал его учитель. – Это хорошо. Без нее ничего путного не добьешься.

В замке Або он должен был встретиться с человеком, прибывшим в Ревель²⁸ с такими разрозненными донесениями. Там ему также должны были предоставить помещение, в котором он мог бы работать над анализом обстановки. Через две недели в Або должен был прийти еще один шведский корабль, на котором он должен был вернуться в Стокгольм

²⁸ Старое название Таллина.

с разгадками всех военных и стратегических проблем.

Дагвинду надо было срочно размять ноги. Все тело его болело, как будто он побывал в драке, приняв на себя тяжелые удары. Он, конечно, не был избалован – во всяком случае, сам он себя таким не считал, – однако большей частью ему приходилось спать в кровати, на мягкой постели, в отличие от жесткого ложа, которое предоставила ему деревянная палуба.

Чтобы размять члены, он не пошел к замку, а некоторое время шел по берегу моря. Через несколько сотен метров от причала он увидел речку Аура, а затем – дома, составлявшие город Або. На берегах речушки стояли товарные склады, давшие этому месту название «Або» – «сарай на реке». Он знал, что по-фински это место называется Турку, хотя это было не финское слово, а изначально русское. Торговая площадь называлась «торг» – по-русски.

Он повернулся и пошел назад. До выезда из Стокгольма он отыскал в дворцовой библиотеке все, что там было написано о крепости или замке Або, как их предпочитали называть шведы. Замок стоял здесь еще с 1280-х годов, хотя сначала он представлял собой прямоугольное лагерное укрепление с двумя башнями, по одной с каждого торца, и четырьмя воротами – по одному с каждой стороны. Внутри крепости был только один дом, в котором жил наместник.

Несколько лет спустя лагерь был со всех сторон окружен стенами, превратившись в крепость, в которую можно бы-

ло попасть только через ворота в восточной башне. Крепостные стены надстраивались, а поперек крепостного двора была построена еще одна стена. Восточная часть крепости стала передней крепостью. Наместник переехал теперь в северную часть крепости. Там у него были зала и спальня.

Уже тогда время было военным. Замок был сожжен во время осады в 1365 году, но был восстановлен и стал еще роскошнее, чем когда-либо прежде. Королевский зал получил новые своды, а поблизости был построен небольшой Божий дом, который впоследствии получил название «Монашья часовня».

Дагвинд прошел к восточной входной башне, построенной в начале 1400-х годов. К нему подошла охрана, и он вытащил документ, дававший ему право на вход в замок. Один из охранников взял бумагу, уставился на печать Густава II Адольфа и изящную подпись. После этого он позвал старшего. Наконец Дагвинда впустили в замок и повели по узкой лестнице. Он был вынужден идти осторожно, поскольку ступени лестницы имели разную ширину и высоту. Но это не было для него неожиданностью. Большинство замков на побережье имели лестницы такого типа. Враг, пробиравшийся в замок, должен был следить за тем, чтобы не потерять равновесие на такой лестнице, благодаря чему с ним было легче договориться.

Дагвинд был вынужден остановиться и дать отдых своим натруженным ногам в одной из ниш на лестнице. Внезап-

но он вскрикнул от боли и обернулся. Старший охранник с ненавистью смотрел на него, сверкая зубами в пышной бороде.

– Поспешай, а то я вновь пощекочу тебя, – сказал он и потряс своей алебардой.

С языка Дагвинда уже были готовы сорваться хорошо известные ему слова, но он прикусил язык и продолжал идти.

Лестница привела к тесной прихожей с кирпичными стенами. В ней была дверь черного цвета. Охранник жестом приказал Дагвинду открыть ее, и Дагвинд повиновался.

За дверью оказался обширный зал с побеленными мелом стенами и сводчатым потолком, дававшим впечатление, что он вошел в церковь. За тяжелым столом в одном из концов этой большой комнаты возвышалась личность в темных одеждах. У нее была шляпа на голове, и это выглядело разумно, так как в комнате было сыро и холодно, несмотря на огонь в угловом камине с потрескивающими дровами.

Дагвинд подошел к этому человеку.

Вдруг он понял, что в комнате были еще люди. Он бросил взгляд через плечо и обнаружил полдюжины рыцарей позади себя.

Человек за столом протянул руку, но не для приветствия, а для того, чтобы потребовать документ. Его колючий, злой взгляд был направлен на Дагвинда. Как только он получил бумагу, он взглянул на нее, прочитал первые строки рекомендательного письма.

– Смотри-ка! Абоский замок посетил опасный враг, – хрипло промолвил он. – Дагвинд Мартинссон – именно о нем меня предупреждали. Стража! Бросьте этого человека в темницу!

Глава пятая

Дагвинд почувствовал, как его сгребли сильные руки. Он попытался протестовать, объясняя, что все это какая-то ошибка, но его никто не слушал. Его вытащили из комнаты, бесцеремонно проволокли вниз по небольшой извилистой лестнице и вытолкнули наружу через портал из известняка. В один момент он оказался на свежем воздухе, в сверкании дня, но уже открылась дверь в стене немного в стороне от церковного здания с куполообразной крышей.

Проход, по которому его проталкивали, был очень узким. Он сильно, до синяков ударялся плечами об обе стены. Через бойницы был местами виден окружающий мир, и он понял, что находится внутри северной стены. Потом открылась еще одна дверь, и он очутился в комнате, в которой было так темно, что ему пришлось поморгать, чтобы что-нибудь увидеть.

У стола возле камина в углу сидел одетый в шубу человек, старавшийся раскурить свою глиняную трубку угольком из камина. Он сделал пару крепких затяжек, чтобы табак задымил, и выбросил уголек обратно в огонь.

– У тебя еще один гость, надзиратель, – сказал старший стражник. – За ним надо так же строго следить, как и за тем, что уже сидит у тебя.

– Ничего страшного, – ответил человек в шубе.

Он пошел в восточный конец комнаты. Там он ухватился

за железное кольцо и изо всех сил потянул за него. В стене приоткрылся люк. Один из стражников пошел помочь ему, и отверстие в стене стало достаточно большим, чтобы через него мог пройти человек. За этим люком была лестница, напоминавшая стремянку. Дагвинд почувствовал толчок в спину и стал падать вниз через проем, не держась за лестницу руками. В последний момент он пришел в себя и начал спускаться вниз по лестнице. Он не достиг еще и половины лестницы, как сверху с грохотом захлопнулся люк. Вокруг стало почти темно. Но не совсем, так как на одной из стен, по которой струилась влага, был факел в гнезде. Он давал немного света и был явно единственным источником тепла.

Дагвинд ступил на пол. Он был каменным. В одном углу, самом дальнем от факела, была куча соломы. Дагвинд медленно осмотрелся вокруг в полумраке. Здесь никого не было, однако у него было такое чувство, что он не один. Он увидел плащ на соломе, рядом на каменном полу стояли оловянная кружка и небольшой кувшин с водой. Ему почудились буквы, вырубленные в стене над кувшином, и он подошел поближе, чтобы разглядеть их.

Там было неуклюже написано «Якко Илкка». И тут он услышал звук – стон, эхом отразившийся от каменных стен. Он быстро обернулся, и рука его скользнула по боку, но он быстро вспомнил, что у него отняли кинжал. Тут он увидел небольшую нишу в правом углу. Дагвинд осторожно просеменил к ней и заглянул в нее.

Там был клозет с двумя очками. На одном сидел человек с изнуренным лицом и длинными темными волосами. Стон шел от него, и Дагвинд попятился в камеру, поняв, что его сокамерник не представляет опасности.

Минуту спустя и он вышел из ниши. Теперь Дагвинд увидел, что это бледное лицо с глубоко запавшими глазами обрамлено темной бородой. Человек был облачен в шведскую военную форму, которая превратилась в лохмотья.

– Это ты Якко Илкка? – спросил Дагвинд.

Тот издал булькающий горловой звук. Если постараться, можно было понять, что это был горький смех.

– Нет, я не он, – сказал человек по-шведски с лифляндским акцентом. – Илкка умер. Он сидел здесь лет тридцать назад, этот финский крестьянский вожак, поднявший бунт против шведской короны и поплатившийся за это.

– Кто же ты тогда?

– Я тоже хотел бы знать, кто ты, – ответил человек.

Дагвинд горько улыбнулся и сказал, кто он. Собеседник недоверчиво посмотрел на него.

– Можешь чем-нибудь доказать, что ты тот, за кого себя выдаешь? – спросил он.

– Едва ли.

– Если ты Дагвинд Мартинссон, ты пару лет назад должен был встретиться с одной важной персоной. Можешь рассказать что-нибудь об этом?

Тут до Дагвинда дошло. Он кивнул и начал рассказывать

о том случае, когда он сопровождал Густава Адольфа в ро-
щу, где король должен был осчастливить одну молоденькую
девушку. Человек рассмеялся, когда услышал о том, как гла-
ва королевства свалился в ручей.

– Ты верный человек, – сказал он затем. – Об этом ма-
ло кому известно. Так милейший наш король отправился
из усадьбы Энггорден, чтобы переспать с молоденькой да-
мой? У меня была более скромная версия этого происше-
ствия, но я больше верю тебе.

– И?

Сокамерник протянул руку для приветствия, и Дагвинд
пожал ее.

– Меня зовут Маркус Едда, – сказал он. – Мы должны бы-
ли встретиться в замке Або, ты и я, вот мы и встретились.

– Так ты осведомитель из Лифляндии?

– Да. Меня послали сюда передать тебе сведения, которые
должны были попасть в стокгольмский дворец, но как только
я появился в Або, меня схватили и бросили в этот застенек.
Среди нас предатель, Дагвинд.

Маркус Едда уселся на дурно пахнувшую кучу соломы
в углу, жестом пригласив Дагвинда составить ему компанию.

– Может, это свой человек короля в Финляндии? – спро-
сил Мартинссон. – В таком случае королевство в большой
опасности.

– Во всяком случае, это возможно. Нет, я не думаю, что
предатель Грегер Якобссон. Он слишком глуп для этого. Он

был назначен наместником сюда после пожара 1614 года, когда молодой король посетил замок Або и вспыхнул пожар. В тот раз крепость была полностью уничтожена. Теперь она кое-как восстановлена, но используется только как склад. Вот почему нас бросили в застенок в передней крепости на неизвестный срок. Нет, не думаю, что это Якобссон.

– Если не он, то кто?

– Якобссон не кто иной, как строитель и управляющий, делающий то, что ему сказано. То, что он занимает эту должность, объясняется тем, что он ею доволен и не требует повышения жалованья. Нет, я подозреваю...

– Что?

– Что предатель, наверно, не здесь, не в Або.

Теперь Дагвинд удивленно взглянул на своего сокамерника. Ничего более странного он не слышал. Несмотря ни на что, именно здесь их заточили в тюрьму, бросив в эту камеру. Но он ничего не сказал, а сидел тихо в ожидании разъяснения.

– Быть разведчиком в чужой стране не всегда легко, – сказал Маркус Едда через минуту размышлений в тишине. – Нельзя находиться в абсолютном вакууме, в некоторых случаях надо обзаводиться союзниками, но при этом можно обратиться к не тому лицу.

Он нащупал в куче соломину, выглядевшую довольно свежо. Она все еще была желтой и не почернела от давности и гниения. Он отломил кусочек получше и засунул его в рот.

После этого он, сидя, жевал ее какое-то время, будто жевательные движения помогали ему думать.

– В Лифляндии я отыскал шведского офицера, о котором все хорошо отзывались. Его зовут Вильгельм Поссе...

Дагвинд резко выпрямился.

– Вильгельм Поссе?

– Ты его знаешь?

– Только по имени. Продолжай!

– Я сделал его своим поверенным. Я был скорее вынужден сделать это, – сказал Едда. – Надо иметь, на кого можно положиться, и Поссе, по крайней мере по моему разумению, был таковым, к тому же его квартира занимала стратегическое положение. Там я мог принимать народ со всех сторон и получать от него сведения. Поссе распоряжался своей охраной так, как я его просил. Мои разведчики всегда имели возможность приходить и уходить. Он очень хорошо помогал мне. Но что-то произошло... Когда он узнал, что я должен отправиться в Або на встречу с тобой, он внезапно изменился. Конечно, только на короткий миг, но мне показалось, что глаза его почернели от ненависти. По дороге сюда я почувствовал слежку за собой, хотя это было только ощущение, никаких существенных признаков. В Ревеле я должен был сесть на судно, чтобы отправиться сюда. Оно должно было ждать меня, но его не оказалось. Я был вынужден искать другую оказию. Когда я прибыл сюда, я увидел шведского офицера, которого, как мне показалось, я видел рань-

ше у Вильгельма Поссе. Он выглядел очень довольным, когда меня схватили и препроводили сюда.

Дагвинд Мартинссон тихо выругался, но недостаточно тихо, чтобы это не услышал Маркус Едда.

– Кажется, я прав! – сказал шпион из Лифляндии, проницательно посмотрев на своего сокамерника.

– Да, ты прав, наверно, – ответил Дагвинд. – В нашем случае это может быть не предательство в полном смысле. Речь может идти о мести, но и эта личная месть может представлять собой покушение на шведскую корону. Предательство...

– Ну-ка поясни поподробнее!

Дагвинд начал было рассказывать об Эмилии и о предупреждении, полученном им от Акселя Оксеншерны, когда сверху, из комнаты охраны, послышался какой-то шум.

Тяжелый каменный люк приподнялся, и луч света проник в темницу.

В луче света плясала пыль.

По ступенькам лестницы стал спускаться надзиратель в огромной шубе. Он делал осторожные шаги, пробуя пространство перед собой вытянутой рукой. В другой была корзина. Надзиратель поставил корзину на пол и ногой придвинул ее поближе к узникам.

– Обед, – пробурчал он, поднимаясь по лестнице.

Через люк наверху виднелись ноги двоих стражников. Дагвинд что-то невнятно промычал, а Маркус Едда поднял-

ся, чтобы взять корзину. В ней были оловянная тарелка, несколько ломтей черного хлеба и пара кусков солонины. Маркус потряс кувшин с водой, стоявший на полу.

– Нам нужно больше воды, – крикнул он вслед надзирателю. – Этой не хватит. Мне дали ее три дня назад.

– Тогда экономьте, – ответил человек в шубе, прежде чем люк с грохотом упал на свое место.

Двое узников поставили корзину промеж собой и начали есть. Черный хлеб был таким черствым, что его с трудом можно было откусить. Дагвинд отгрызал маленькие кусочки и съедал их. Было трудно глотать, если не запивать, но он не хотел тратить воду из кувшина, коль уж у них было мало воды. Солонина жгла губы и небо, и он понял, что скоро наступит жажда.

Во время еды он рассказывал, что было у него на уме. Маркус тряс головой, показывая, что не верит.

– Странно, что Вильгельм Поссе рисковал головой только потому, что ты наставил ему рога, – сказал он. – Но раньше случались вещи и постранные.

– Можно себе представить, – откликнулся Дагвинд. – Хотя я мало знаю об этом. Но я вычислил все же... Если Вильгельм Поссе обзавелся здесь шпионом и договорился с ним отомстить мне, они не выпустят нас отсюда живыми. Они просто обязаны уничтожить нас, иначе король нанесет ответный удар. Но и повесить нас по закону они не могут, так как тогда власти в Стокгольме должны узнать об этом, они

должны попробовать нечто иное...

Только он произнес эти слова, как Маркус вскочил на ноги. Едда сделал большой глоток из того, что осталось в кувшине, и бросился к туалету. Там он вставил два пальца в рот и освободился от всего, что он только что проглотил. Дагвинд сразу понял, в чем дело, и мгновение спустя сделал то же самое в соседнее очко.

– Ты уверен, что они хотели нас отравить? – спросил Дагвинд, когда они вернулись к куче соломы.

– Никогда нельзя быть в чем-то уверенным, – ответил тот. – Но хочешь жить – следуй этому правилу.

– И, если мы хотим выжить, нам надо делать отсюда ноги, – продолжил мысль Дагвинд Мартинссон. – Король должен узнать, что ты для него разведаль, и воздать должное Вильгельму Поссе за его «заслуги».

– Чтобы ты продолжал баловаться с его женой?

– Только ради этого стоит попытаться бежать! Как я понимаю, бумаги, что ты привез из Лифляндии, конфискованы?

– Какие там бумаги, – промолвил Маркус Едда. – С ними нельзя рисковать. Все у меня здесь. – Он постучал кулаком по лбу.

– Значит, меньше упаковываться, – кивнул Дагвинд. – Тогда займемся побегом. Ты тут уже давно сидишь и должен знать расписание стражи. В нем есть что-нибудь полезное для нас?

Едда сломал новую соломинку и начал жевать ее.

– Ты верно мыслишь, – сказал он, помолчав. – Когда к надзирателю приходит стража, – а это нечасто случается, – он спускается сюда с корзиной. Когда же он один, он спускает ее на веревке. Так же и обратно. Думаю, нам трудно будет с ним справиться... А если мы все же выберемся отсюда, мы не уйдем дальше его комнатки наверх. Он такой же узник, как и мы, с той лишь разницей, что у него там очаг, у которого он может погреться.

– Тогда через туалет?

Едда изобразил гримасу отвращения.

– Думаешь, я не думал об этом? – ответил он. – И тюремное начальство понимает, что узники подумают воспользоваться туалетом. Дерьмо идет по трубе, которая настолько узка, что и ребенок через нее не пролезет. Забудь об этом.

– Тогда остается только надзиратель, – вздохнул Дагвинд. – Когда он обычно забирает корзину?

– Вечером.

– Тогда надо ждать, – сказал Дагвинд Мартинссон.

– Что ты имеешь в виду? Ты уже что-то придумал?

Дагвинд безрадостно улыбнулся.

– Думаю, что знаю, как мы попадем наверх, но и только. Ты когда-нибудь бывал в Абоском замке до этого?

– Три раза. Ты не первый мой контакт из Стокгольма. Но все другие уже мертвы...

– Звучит не очень успокаивающе, – пробормотал Дагвинд. – Но я чувствую себя по-прежнему бодрым и здоро-

вым. Ты должен знать замок, имея такой опыт. К тому же замок теперь не такой уж большой.

– Здесь много узких и извилистых проходов, – вздохнул Едда. – Все сделано для того, чтобы защититься от врага.

В глотке у Дагвинда пересохло. Он освободился от солины, но соль осталась. В кувшине еще была вода на дне, и он сделал маленький глоток. Если вода простояла здесь столько, что на это жаловался Маркус Едда, пить ее можно было без опаски. После того как он проглотил эту пару капель, жажда немного отступила.

– Именно так, – сказал он после этого. – Крепость построена таким образом, чтобы враг не мог в нее проникнуть. Но это также значит, что из нее легче выбраться.

– Но только не отсюда, – вздохнул Маркус Едда. – Если нам и удастся добраться по лестнице до люка, стоит только пнуть ногой, и мы будем вновь внизу.

– Я имел в виду, что он спустится к нам сюда. Тогда будет легче.

– Он не такой дурак, чтобы добровольно спуститься к нам.

– А кто говорит, что добровольно? – спросил Дагвинд, посмотрев на лестницу. – Должно получиться, если мы сделаем так...

Он рассказал свой план, и мрачное лицо Маркуса Едды посветлело.

– Может получиться, – сказал он под конец.

Глава шестая

Люк открылся, и вниз посмотрел надзиратель. Он выглядел заспанным, что было естественно, так как он только что пробудился от своего послеобеденного сна. Прежде чем открыть люк, он взял пару поленьев из поленницы у стены и бросил их в огонь. Это должно было помочь.

На его толстых губах появилась улыбка, когда он увидел, что Маркус Едда корчится, как от боли, на куче соломы.

– А где второй? – крикнул он.

Не получив ответа, он повторил свой вопрос еще более злым тоном.

– Он сидит и срет! – крикнул в ответ Едда. – Позови, пожалуйста, лекаря, чтобы помог нам. У нас обоих болит живот... кишки трещат от боли. А-ай... о-ой... как больно!

– Это пройдет, – сказал надзиратель, зная, в чем дело, и одновременно бросил кожаный ремень через дыру на пол камеры. – Погрузи-ка все, что осталось, в корзину и нацепи ее покрепче на крюк на ремне.

Казалось, что Маркус Едда его не слышит. Он катался по полу, держась за живот, словно его разрывали все боли на свете.

– Лекаря! – с трудом выдавил он из себя.

– Давай сюда корзину! – крикнул надзиратель. – Если не будешь делать, что тебе сказано, получишь дополнение

к своей компании. Но это будет не лекарь, а стражник, который научит тебя слушаться.

Узник встал на колени. Он уложил в корзину оставшийся хлеб и солонину.

– Положи туда кувшин с водой и кружки! – проревел надзиратель. – Надо все поднять наверх.

Надзиратель на самом деле не знал, зачем это все понадобилось. Но старший стражник приказал это, и если он это не выполнит, то рискует сам очутиться в камере.

Важно было убрать хлеб и солонину, чтобы ни один бедняга не позарился на них, лишив себя жизни. То, что яд подействовал на этих двоих, было ясно видно. Завтра рано утром стражники спустятся вниз и поднимут наверх тело того, что на соломе, и того, что в сортире.

Маркус Едда, шатаясь, медленно приближался с корзиной к лестнице. Он чуть не упал, но ухватился за ремень. Надзиратель склонился над люком, чтобы посмотреть, куда девался пленник. Тот скрылся за лестницей и не был виден сверху.

Надзиратель стоял, наклонившись над люком: ноги его прочно стояли на полу, а бóльшая часть тела нависла над дырой в полу. В таком положении было трудно сохранять равновесие. Внезапно из-за лестницы появился Маркус Едда. Он отскочил в сторону и потянул за ремень.

Ремень, как обычно, был намотан на руку надзирателя, чтобы не упустить его. Поэтому тот не мог выпустить его из рук. Он вскрикнул, когда ноги его потеряли опору и он

нырнул головой вперед в дыру. Он описал дугу и приземлился на спину. От удара он не мог дышать, и казалось, что он сломал позвоночник.

Но это было не так. Надзиратель с трудом поднялся на ноги и встал, опершись о стену. Тут из проема в туалет появилась темная фигура. Она набросилась на него, и надзиратель заметил, что Едда встал на ноги за лестницей.

Тут надзиратель понял, что его одурачили. Никто из пленников не умирал от яда. Он набрал в легкие воздуха, чтобы крикнуть, но не успел. Маркус Едда крепко держал в руке оловянный кувшин, который был тяжелым. Раздался звонкий удар, когда кувшин попал надзирателю в висок. После этого тот без чувств свалился на каменный пол.

Дагвинд Мартинссон наклонился и стал разматывать ремень с руки надзирателя.

– Какой ты умница, что носишь с собой свои оковы, – сказал он с усмешкой. – Помоги мне запихнуть его в сортир, мы его там привяжем.

Надзиратель был жирным и тяжелым от неподвижного образа жизни в комнате над люком, но им все же удалось запихнуть его в туалет. Там они как следует привязали его к сиденью. Чтобы он не смог вытворить что-нибудь, когда очухается, они обвязали ремнем каждую из его ягодиц. После этого он сидел, как привязанный. Но он мог крикнуть, если в туалет кто-нибудь нечаянно заглянет. Поэтому Дагвинд снял один свой сапог, вынул из него пропитанную по-

том портянку и засунул ее в рот надзирателю. Они прикрывали ее, чтобы тот ее не выплюнул, полосками ткани, разорвав рубашку Маркуса Едды.

Через люк было видно, что начало темнеть.

– Подождем здесь еще немного, – сказал Едда. – Скоро смена караула. Тогда во дворе будет много народу и караульные у главных ворот не будут обращать особого внимания на тех, кого они впускают и выпускают. В это время много служивого люду, спешащего после работы домой.

Они услышали тяжелые шаги на внешней лестнице. О камень ударялся металл, и этот звук гас, распространяясь вниз.

– Время! – скомандовал Маркус.

Они вышли в тесный проход, миновали бойницы и очутились на лестнице. Далеко внизу слышались шаги стражи.

– Поторопись! Нам надо выйти наружу, прежде чем мы встретим развод караула.

И они спустились вниз. Дверь в крепостной двор была закрыта, но через нее слышались резкие команды. От каменного настила двора эхом отдавались шаги, и среди этого синхронизированного шума Маркус открыл маленькие воротца. За ними была узкая лестница с пятью ступенями, находившаяся в самой темной части крепостного двора.

– Не надо красться! Надо выглядеть так, будто мы одни из них! – шепотом сказал Маркус Едда, направляясь к воротам крепости.

Дагвинд последовал за ним с выпрямленной, как спинка

стула, спиной и взглядом, направленным прямо перед собой, целеустремленно, словно выполнял важное задание. Перед аркой ворот уже стояла очередь желающих выйти из крепости. Они стояли друг за другом, а сзади подходили все новые люди. Очередь медленно проходила через арку. Стражник, стоявший в воротах, опираясь на алебарду, выглядел незаинтересованным в выполнении своих обязанностей. Он едва ли видел мужчин и женщин, выходивших из крепости. «Неудивительно, – подумал Дагвинд, – ведь это ритуал, повторяющийся каждый вечер. На завтра утром большинство из них будут толпиться, чтобы войти в крепость, где они работают, получая за это свой кусок хлеба».

Так они вышли из крепости. Справа на высоте стояли склады, которые Дагвинд видел в тот день утром. За ними возвышались мачты судна, на котором он приплыл сюда. Он понимал, что туда ему дорога была заказана. Вместо этого он последовал за людьми, шедшими к мосту на материк. Там была параллельная реке Ауре дорога. Она вела в город Або, но, как оказалось, Маркус Едда не думал туда идти.

Он свернул с дороги на узкую тропинку, огибавшую холм справа от дороги. Холм зарос лесом, и на самой его вершине стояла пара домов, силуэты которых вырисовывались на фоне вечернего небосклона. Еще несколько человек из крепости свернули на эту тропинку, но постепенно они исчезли в домишках и хижинах. Сумерки стали превращаться в настоящую темень.

– Куда это мы идем? – полюбопытствовал Дагвинд.

– К берегу моря, – ответил Маркус. – Там есть пара рыбаков, которых я знаю с прежних времен. Они должны нам помочь!

Дагвинд поежился. Отчасти это объяснялось вечерней прохладой, отчасти тем, что будущее было неясным.

– Только бы они не были мастаками ловить щуку²⁹, – проворчал он, и Маркус, видно, расценил это как шутку, потому что громко и раскатисто рассмеялся.

– Не беспокойся за это, – сказал он. – Рыбак Маттиас и его сын Раймо как-то доставили меня сюда из Ревеля и еще пару раз в другие места. Им хорошо заплатили за все эти рейсы, так что они будут очень приветливы и готовы помочь.

Вдоль берега моря, пригнувшись, стояли низкие домишки рыбаков. Возле них на мощных сушилах были развешаны на просушку сети. По улице деревушки трусила пара тощих собак, которые тотчас исчезли, заметив незнакомцев. Дагвинд и Маркус прошли чуть ли не через всю деревню, когда Едда свернул во один из дворов и постучал в дверь серой избы с загаженной чайками соломенной крышей.

Дверь приоткрылась немного, и в образовавшуюся узкую щель Дагвинд смог разглядеть любопытный глаз.

– Терве³⁰, Раймо, – сказал Маркус Едда. – Твой отец тоже дома?

²⁹ Фамилия «Едда» переводится как «щука».

³⁰ «Привет» (по-фински).

Разглядев, кто стоит за дверью, юноша распахнул ее и впустил пришедших в дом. У огня стоял сгорбленный пожилой мужчина, помешивая в кастрюле что-то пахнувшее рыбой.

– И что это таким благородным людям понадобилось в деревне? – спросил Маттиас, не переставая мешать пищу.

– Мне нужна твоя помощь, – без обиняков сказал Маркус.

– Опять в Ревель? – спросил старик. – Поздно уже, да и шторм приближается. Не очень-то хочется выходить в море.

– Да нет, не в Ревель, – ответил Маркус. – На Чёкар.

– На Аландские острова? Ну, это, по крайней мере, в шхерах.

– Надо прямо сейчас!

Рыбак снял свою кашу с огня. В его глазах светилось любопытство, но он не задавал никаких вопросов. Вместо этого он обратился к сыну.

– Загрузи в лодку немного хлеба и воды, Раймо, – сказал он. – Поедим суп, когда вернемся!

Рыбацкая лодка была небольшой. Дагвинд посмотрел на нее с определенным недовольством. Суденышко было не такое остойчивое, как те, что использовались на западном побережье. В середине лодки лежала сложенная мачта, а под банками³¹ – свернутый парус. Раймо засунул провиант в рундук³² в кормовой банке, на которую затем уселись Маркус

³¹ Сиденья в лодке.

³² Ящик.

и Дагвинд, плотно прижавшись друг к другу. А двое рыбаков опустили весла на воду и начали грести, выводя лодку в сгушавшуюся ночь. Покачивало, но не так уж и сильно.

Суденышко отошло уже довольно далеко от устья реки Аура, когда отец и сын установили мачту и подняли парус. Он моментально наполнился ветром, и скорость заметно увеличилась. Под носом лодки забелели буруны.

Обернувшись назад, Дагвинд заметил какое-то движение в крепости Або. У стен мелькали факелы. Он ткнул Маркуса Едду локтем в бок.

– Да вижу, – ответил Маркус с улыбкой. – Это стража, видно, бегают вокруг с факелами. Что же это они потеряли?..

Ушла целая ночь и несколько утренних часов, прежде чем лодка добралась до аландского острова Чёкар. Во время этой поездки Маркус заявил рыбаку, что не сможет прямо сейчас уплатить ему за беспокойство, но пообещал, дав честное слово, что заплатит позже.

– Тебе надо было сказать это до того, как мы вышли в море, – горько ответил Маттиас.

– Это было бы неразумно с моей стороны, – ответил Маркус Едда. – Тогда мы, наверно, никуда бы не тронулись.

– Можно подумать, – кивнул рыбак. – Теперь я вынужден положиться на твое слово.

– Ты можешь выловить немного рыбы по пути домой. Нет худя без добра.

Гавань поселка Чёкар была почти пустой. Не было лодок

у причалов, которые должны были вернуться, когда рыбаки возвратятся с уловом, дарованным им морем. Здесь тоже бежали по берегу моря взад-вперед собаки. Женщины в черных одеждах, с косынками на голове возились кто с чем возле своих домов. На скамейке у одного из домов сидела молодая женщина и кормила грудью своего ребенка. Увидев незнакомцев, она поднялась и вошла в дом.

Там и сям пахло едой, и Дагвинд почувствовал, как у него сосет в желудке, хоть он и поел хлеба, принесенного Раймо в лодку. Это был такой же черный хлеб, какой он ел в темнице, хотя этот был безопасен и не столь черствый. Через полчаса они оставили за собой рыбацкую гавань и вышли за околицу деревни.

Чем более вступал в силу день, тем становилось все теплее. С безоблачного голубого неба безжалостно палило солнце. Дагвинд вспотел и почувствовал, что назревает мозоль в сапоге, из которого он вынул портянку.

– Куда это мы путь держим? – спросил он, когда Маркус взял паузу и уселся на согретый солнцем большой камень у дороги.

– С той стороны перешейка есть рыбацкий поселок, – ответил Маркус Едда, показывая на поросший лесом хребет за лугами, на которых паслись тощие коровы. – Я знаю там одного рыбака... Хотя он скорее контрабандист, чем рыбак. За ним должок передо мной за одну оказанную ему услугу, и теперь, думаю, пришло время взыскать его. Его лодка до-

статочно большая, чтобы покрыть путь до Стокгольма.

Они продолжили путь, дав небольшой отдых ногам, и вошли в лес, где стало попрохладнее. Лес этот был небольшой. Всего через какой-то час они вновь увидели синеву воды перед собой.

На самом берегу, где была гавань, защищенная заливом, напоминавшим лагуну, живописно раскинулся поселок. Здесь рыбацкие лодки были больше и солиднее, чем те суденышки, которые видел Дагвинд возле Або. Но это был единственный признак богатства. Домишки были такими же серыми и покосившимися, как и в большинстве мест в Швеции и Финляндии. Улица в поселке была пыльная, и нигде не было видно людей.

– Странно, – пробормотал Маркус Едда. – Здесь обычно бывает оживленно.

– Рыбаки должны быть здесь, – откликнулся Дагвинд. – В гавани масса лодок, и сети на просушке.

– Немного дальше по этой дороге есть пивная, – сказал Маркус. – Надо заглянуть туда.

Улица поселка шла, изгибаясь, вдоль побережья, на котором была возвышенность с несколькими деревьями, доходившая почти до воды. За этой возвышенностью стояло низкое строение с небольшой вывеской над входом. Вывеска была до того избита ветрами и непогодой, что нельзя было различить, что на ней было когда-то написано, однако это была явно пивная.

У коновязи перед входом в пивную стояла лошадь в оглоблях повозки. Она медленно жевала сено из мешка, висевшего на коновязи.

Маркус открыл дверь, и они вошли. Оба застыли у порога. И уставились внутрь. На скамьях у противоположной стены сидели минимум двадцать человек. Они были просто одеты, как обычно одевались рыбаки, но странным было то, что ни перед кем из них на столе не было никакой выпивки.

Люди смотрели прямо перед собой, не замечая, казалось, что кто-то еще вошел в пивную. За небольшой стойкой в торце комнаты стоял хозяин – пухленький человечек. Он выглядел так же, как и его гости, уставившись в пустоту отсутствующим взглядом.

Внезапно дверь за спинами Дагвинда и Маркуса растворилась. Раздался скрип, и оба товарища обернулись.

Теперь на них смотрели три мушкетных дула. Оружие было в руках солдат в шведской униформе. Был там и четвертый человек, унтер-офицер.

– Кажется, именно этих господ мы и ждали! – сказал тот грубым голосом.

– В чем, собственно, дело? – властно спросил Маркус. – Зачем это слуги короны направили оружие против своих земляков?

Унтер-офицер выступил вперед, чтобы получше разглядеть пришедших.

– Обыскать их! – проревел он.

Один из солдат отставил в сторону свой мушкет и подошел к ним.

По телам Дагвинда и Маркуса зашарили руки.

– Ничего нет! – разочарованно сказал солдат. – Никакого оружия и никаких денег.

– Они явно все спрятали, прежде чем идти сюда, – прокаркал унтер-офицер. – Но мы заставим их во всем признаться!

– В чем признаться? – спросил Дагвинд.

– Заткни свою поганую глотку, жалкий контрабандист! – проревел унтер-офицер. – Здесь я задаю вопросы, и если тебе дорога жизнь, лучше будет, если ты станешь на них отвечать правдиво и честно.

Глава седьмая

В бухте в полумиле от берега стоял, укрывшись, военный корабль. На него и доставили Дагвинда и Маркуса спустя какой-то час после того, как солдаты в пивной получили подкрепление в виде патруля, вернувшегося с обхода. Как только пленники и их стражники показались на берегу бухты, с корабля спустили шлюпку.

Дагвинд успокоился, только когда очутился в капитанской каюте и понял, что знает этого седобородого капитана.

– Нильс Бьуртен! – удивленно воскликнул он, уставившись на своего бывшего учителя в шпионской школе.

– Что ты, черт тебя дери, здесь делаешь, Дагвинд Мартинссон? – спросил его старший товарищ, подымаясь со стула. – Ты ведь должен быть сейчас в Або! А это кто с тобой?

– Это длинная история, – ответил Дагвинд, и капитан удалил из каюты других членов экипажа, прежде чем дал знать, что готов слушать, что произошло.

По мере того как Дагвинд рассказывал, что случилось, лицо Бьуртена мрачнело. Наконец он ударил ладонью по бумаге, лежавшей на столе.

– Это похоже на государственную измену! – сказал он. – И об этом надо немедленно сообщить королю. Нас прислали сюда, чтобы препятствовать контрабандной деятельности, которой так любят заниматься эти чертовы рыбаки. Но твой

вопрос важнее.

Этот большой корабль покинул тихую бухту, как только начало смеркаться. Дагвинд вышел на палубу, подставив лицо прохладному ветру. В рыбацкой деревне зажглись огоньки, которые отражались в темнеющей воде гавани. На небе показалась луна, хотя солнце еще не полностью исчезло за горизонтом. «Удивительно, – подумал Дагвинд, – что огненный шар, каким является Солнце, так вот просто огибает Землю, на которой я стою, и что Земля вообще называется Землей, хотя на ней так много воды».

Когда он так стоял, держась за релинг³³, а паруса над ним наполнялись ветром и в ушах стояли крики моряков, огненный шар исчез полностью, и Земля быстро погрузилась в темноту. Луна превратилась из бледного старичка в румяную деву, сзади которой были пришпилены звезды.

Все имело свой порядок, и этот порядок был создан Богом, который все сделал идеально, до малейшей песчинки, как и должно было быть, неизменно, до конца света.

Через полтора дня Дагвинд снова стоял почти что на том же месте у релингов, но была уже не ночь, а утро, и корабль медленно огибал один из островков, открывая перед ним вид на Стокгольм.

В этом узком проходе в шхерах они повстречали другое судно, несшее флаг Южной компании. Владельцем этого судна, как и всех остальных судов пароходства, был Виллем Ус-

³³ Ограждение.

селинкс, только что получивший королевскую привилегию торговли с Африкой, Азией и Америкой. Суда Усселинкса ходили в Стокгольм и из Стокгольма, повышая благосостояние тех, кто ценил его.

Как только стал виден корабль со штандартом Нильса Бьюртена, в Шеппсхольмене выстрелила пушка, и когда они подошли поближе, они увидели множество народу на набережной. Нильс Бьюртен стоял на палубе. Он был бледен, но собран. Он знал, что ему зададут много вопросов. Почему он прервал свою экспедицию? Почему он вернулся в столицу без приказа на это?

После того как был опущен трап, первым на причал сошел капитан Бьюртен. Он поспешил к высокому офицеру, стоявшему на причале с полудюжиной солдат. Они о чем-то поговорили. В основном говорил Бьюртен, энергично жестикулируя и показывая на корабль, на котором компанию Дагвинду у релингов составил Маркус Едда.

Офицер подозвал к себе одного из солдат и что-то сказал ему. Солдатик бросился выполнять приказ, словно ему ткнули в зад факелом, а капитан Бьюртен с офицером подошли к трапу. Капитан посмотрел вверх, на Дагвинда и Маркуса.

– Прошу господ сойти на берег, – приказал он. – Когда во дворце узнают о вашем прибытии, устроят праздник в Капернауме, так что господам не стоит на него опаздывать.

Немного спустя Дагвинд Мартинссон снова стоял во дворце в Рикссалене. Несмотря на раннее утро, там уже были

группы и группки разного рода людей, стоявших, болтая, вдоль стен в ожидании приема у вышестоящих на лестнице власти, чтобы подать прошения, жалобы или ходатайства. Дагвинду ждать не пришлось. У подъемного моста его ждала стража, которая эскортировала его в большой зал. Маркуса Едду оттеснили в сторону и не позволили следовать за ними.

По бокам Дагвинда стали стражники, сопроводившие его до высокой двери комнаты, в которой с глазу на глаз принимал король.

Эта комната была больше той, в которой принимали Дагвинда в первый раз, когда он попал в Рикссален. Стены были обиты красным и золотым атласом, на них висели большие портреты в золоченых рамах, а на красивом кресле за чистым столом сидел Густав Адольф. Там был и Аксель Оксеншерна. Как только за Дагвиндом закрылась дверь, король встал.

– С какими вестями ты прибыл сюда, Дагвинд? – спросил он. – У меня восстание в Финляндии?

– Не думаю, ваше величество, – ответил молодой человек из Эргрюте. – Но дела таковы, что можно сказать и так!

Вперед выступил Оксеншерна.

– Если сообщение капитана Бьюртена соответствует действительности, в этом твоя большая вина, Мартинссон, – сказал риксканцлер. – Я предупреждал тебя однажды о том, что может случиться, если ты не будешь держать себя в руках. Вильгельм Поссе – человек чести. Он не потерпит ста-

туса рогоносца.

Король сделал рукой жест несогласия.

– Я видел Эмилию, – объяснил он. – Красивая полнокровная молодая женщина. Таких нельзя оставлять одних. Какую бы цель ни преследовал Вильгельм Поссе, если за этим стоит он – его действия, несомненно, представляют собой предательство... на грани государственной измены. Корона не может это терпеть. Послушаем теперь твою версию.

Новый жест величества показал, что Дагвинд может сесть. Он так и сделал, после чего еще раз рассказал, что с ним произошло после того, как он прибыл в Абоскую крепость.

Король немного помолчал, выслушав Дагвинда. Затем кивнул в знак согласия.

– Ты правильно поступил, возвратившись ко мне с этой новостью как можно скорее, – сказал его величество. – Должен сказать, что тебе повезло, что ты встретился с Бьюртенем. Другой капитан не посмел бы прервать экспедицию против контрабандистов на Аландских островах. Нильс – достойный уважения человек... и умный... Ты можешь идти, Дагвинд. Мы еще встретимся!

Дагвинд толком не понял, как следует понимать эти прощальные слова. Может, это была угроза? Он поднялся, поклонился и попятился к двери под мрачным взглядом Оксеншерны. Он также не мог понять этого взгляда. Мог ли канцлер быть на стороне Поссе в этом деле?

Выйдя в Рикссален, он увидел Маркуса Едду, ожидавшего

го приема в окружении гвардейцев короля. Подходя к выходу из зала, он увидел через плечо, что дверь в королевскую приемную открылась. И Маркус исчез.

Неприятное чувство охватило Дагвинда. Король – или Оксеншерна? – решил говорить с ними по-отдельности. Значит, полного доверия не было ни к одному из них.

В то же время это означало, что каждого из них могут ожидать проблемы.

Однако сейчас особых проблем не было, хотя, когда Дагвинд несколько дней спустя попытался войти в дом Поссе, чтобы увидеться с Эмилией, дорогу ему преградили солдаты, расставленные вокруг дома.

– У нас приказ никого не впускать сюда, – сказали ему.

– И кто же отдал такой приказ?

– Я не имею права это обсуждать.

Дагвинду пришлось отправиться восвояси. Он, конечно, догадывался, кто отдал этот приказ. Оксеншерна, и никто иной!

Из дворца больше ничего не было слышно. Дни перерастали в недели, недели – в месяцы. Дагвинду начало казаться, что он стал персоной нон грата после событий в Або, хотя не понимал почему. Через пару недель после того, как Дагвинда Мартинссона не пустили в дом Поссе, он встретил Маркуса Едду. Дагвинд совершал свою обычную долгую прогулку. Это был его способ разгонять тоску. Каждое утро он выходил из своей квартиры в обветшалом доме недалеко

от Стрёммена и шел куда глаза глядят, пока голод не застав-
лял его зайти в одну из харчевен по пути.

В это утро ноги привели его к таможне у Южных ворот. Он бывал там и раньше. Поэтому он не обратил особого внимания на черепа, висевшие в клетках у желтой деревянной входной двери. Это были черепа казненных за разного рода предательство, выставленные напоказ, чтоб неповадно было другим.

У таможни толпились крестьяне, пытавшиеся заключить сделку с таможенником. Никто не хотел платить тридцать вторую часть стоимости товара, установленную в качестве пошлины за ввоз в город. Один человек, приехавший с мехами из Вестманланда³⁴, кричал громче всех. Его оценка товара не совпадала с оценкой таможенника.

Дагвинд резко развернулся и пошел назад в город. Хотя воздух еще не совсем прогрелся, отвратительная вонь стала действовать на его обоняние. Он с трудом переносил этот смрад. Он смотрел прямо перед собой, чтобы не встречаться глазами с попрошайками от мала до велика, набрасывавшимися на каждого прошедшего через таможню новичка, который по своей неопытности был легкой добычей.

На площади Йернторгет он увидел Маркуса. Узнав его, он поспешил к нему. Подойдя поближе, остановился. Маркус Едда заметно постарел с тех пор, как они виделись в последний раз. Лицо его и раньше было бледным, почти изможден-

³⁴ Область в Швеции.

ным, и это впечатление усугублялось из-за его черных волос. Теперь волосы сильно поседели, хотя Маркус все еще был молодым мужчиной. На лице были отметины, как после оспы, и он немного прихрамывал.

– Маркус! – крикнул Дагвинд.

Тот остановился и оторвал взгляд от земли. Когда он увидел, кто зовет, на его изможденном лице появилось подобие улыбки.

– Дагвинд! Давно не виделись!

– Да уж точно не вчера. Я искал тебя, но безрезультатно. Где ты был?

– Так ты не знаешь, – ответил Маркус Едда. – Я думал, что канцлер рассказал тебе. После встречи с королем я снова побывал в Або. Не очень-то приятная была поездка.

– Я весь внимание, – ответил Дагвинд. – Но здесь не место для разговора...

Над ним распахнулось окно, и женщина выплеснула содержимое ночного горшка. Он едва уклонился.

– Сам видишь, что здесь опасно, – продолжил он. – Позволь угостить тебя выпивкой, пока ты рассказываешь.

Маркус кивнул в знак согласия, и они пошли в сторону моста Шеппсбрун. Там был трактир, над входом в который висела кованая вывеска, качающаяся на ветерке с моря. Внутри была буфетная со столами, окруженными деревянными стульями с высокими прямыми спинками. Там было несколько свободных столов, и они уселись за одним из них.

Подошла девушка, все еще тонкая в талии, и спросила, чего они желают.

– Я бывал здесь раньше, – сказал Дагвинд Маркусу. – Их любекское пиво вполне можно пить.

– Пойдет.

Им принесли их пиво, и Маркус начал рассказывать. Все-го лишь через несколько дней после встречи с королем и канцлером была организована карательная экспедиция. Небольшой корабль, доверху нагруженный солдатами, отправился в Або. Управляющий крепостью был арестован, а с ним и большинство его приближенных. Маркус должен был указать всех, кто был причастен к заточению его и Дагвинда. Эти несчастные были допрошены, и, если они не рассказывали, что хотел бы услышать начальник карательной экспедиции, их подвергали пыткам.

Наконец стало окончательно ясно, что за всем этим предательством действительно стоял Вильгельм Поссе. Тогда процесс для всех замешанных в предательстве был короток. Голова управляющего крепостью была отсечена мечом. Некоторые другие были позорно повешены, а ряд солдат вывезены в Лифляндию, где они должны были занять первые ряды в случае сражения.

– Кое-кто не пожелал разделить их участь и оказал сопротивление, и я попал в эту свалку, – сказал Маркус Едда. – Вот почему я теперь хромаю. Но лучше хромать, чем расстаться с жизнью, что произошло с пятью протестовавшими.

– Но что случилось со всеми твоими донесениями, которые я должен был анализировать? – спросил Дагвинд.

– За тебя это сделал кто-то другой, – ответил Маркус, отхлебнув пива. – Я днями и ночами сидел с офицерами, рассказывая все, о чем узнал. Так что я почти не помню переход через Аландское море. Я почти все время спал.

– А что произошло с Вильгельмом Поссе?

– Ну да! Ты был влюблен в его красавицу жену. Насколько я знаю, она сейчас красавица вдова. Густавус Адольфус – беспощадный властитель.

Дагвинд торопливо огляделся вокруг. Такое было опасно произносить вслух. Но он не заметил, чтобы кто-то прислушивался.

– И тебе пришлось вернуться в Стокгольм, – сказал он затем. – Здорово. Теперь мы можем чаще встречаться, возобновить знакомство.

Маркус затряс головой. В его бороде висел клочок пены, который затем упал.

– Нам не удастся пообщаться, – сказал он. – Уже завтра рано утром я должен отправиться обратно в Лифляндию за новыми сведениями для моего дражайшего короля и его высокочтимого канцлера. Я должен идти, Дагвинд, а то не успею сложить в мешок три пары моих кальсон. Тебе большое спасибо за угощение.

Они никогда больше не виделись после того, как Маркус исчез из трактира. Дагвинд размышлял о том, что могло про-

изойти, что заставило Маркуса Едду так страшно измениться. Может, казни в Финляндии? Но, думал он, солдат и шпион за рубежом должен был встречаться и с более страшными вещами.

Время шло, наступила зима, пришла весна, а затем лето. Услуги Дагвинда, видимо, больше не были никому нужны. Он жил хорошо, ведь корона платила за комнату, в которой он проживал, и каждую неделю он ходил к квартирмейстеру в дом военно-морского флота и получал жалование, обещанное ему по прибытии в столицу.

Он и сам замечал, что становится усталым и вялым, что растет живот от обильного поглощения пива. Время от времени он встречал нищего Йорана Бенгтссона, и в руку этого бедняги, если Дагвинд шел от квартирмейстера, попадал клиппинг³⁵.

«Вот как я закончу свою жизнь», – думал он иногда, бредя домой на подгибающихся ногах стокгольмским вечером. Подчас он подумывал, что может вернуться домой. Как-то он поднял этот вопрос у квартирмейстера, но узнал, что будет считаться дезертиром, если покинет Стокгольм. Когда он пожелал узнать почему, тот лишь поджал губы и отвел от него взгляд.

В Стокгольме ему было нехорошо. Тебе будет нехорошо везде, если тебе нечего делать. Небольшого жалования, которое получал Дагвинд, хватало на еду и пиво; если он ел не так

³⁵ Четырехугольная мелкая монетка, имевшая хождение в то время.

много, то мог позволить себе больше пива. За всем этим угадывалась рука Оксеншерны. Это было наказание за то, что произошло с Поссе. Оксеншерна полагал, не зная наверняка, что Поссе никогда не стал бы предателем и не был бы повешен, если бы его жена была оставлена в покое.

Оксеншерна был бы рад, если бы Дагвинд также исчез с лица земли. Но Дагвинд был под защитой короля. Ведь это Густав Адольф пригласил его в Стокгольм, пожелав принять его на службу. Король, возможно, и не знал о том, как Дагвинд проводил теперь свои дни.

Стокгольм был адом.

А в октябре Стокгольм стал адовым пеклом.

Все началось с небольшого возгорания на юго-западе. Две женщины варили пиво в сарайчике, не справились с огнем, и сарайчик вспыхнул; искры были подхвачены сильным ветром, и пожар пошел дальше. Скоро должна была начаться ярмарка, и во многих складских помещениях в округе скопилось много дегтя и пеньки, повсюду хранились дрова, заготовленные на зиму. Вскоре горело все в этом скопище домов, представлявших собой столицу. Народ пытался тушить, но это было почти невозможно сделать.

Дома рушились, хороня под обломками людей. За одну только ночь была уничтожена пятая часть Стокгольма.

Среди борющихся с огнем был и Дагвинд. Он бегал по крышам, пытаясь с помощью смоченной водой парусины и других мокрых тряпок сбить все поглощающее пла-

мя. Он стоял в цепи людей, которые передавали друг другу ведра с водой, чтобы тушить горящие дома. Там он увидел, как на брадобрея³⁶, спешившего к пострадавшим, лежащим на улицах и в переулках, упала балка.

Дагвинд бросился к нему, но было поздно. Брадобрей был мертв. Тогда Дагвинд взял его сумку, посмотрел, какие в ней были лекарства, помимо бритвы, расчесок и ножниц, и стал оказывать помощь вместо погибшего.

Всю ночь он боролся за жизни людей, кричавших от боли и смертельного страха. Он ампутировал руки и ноги детей и взрослых, которые без этого могли не выжить или опраться.

Несколько раз он ошибался, однако в основном делал все правильно. Все, чему он научился у доктора и аптекаря Ладеманна и лекаря Петера á Налдвика, крепко засело в мозгу.

Пожар полыхал аж до полудня следующего дня. Крепкий ветер ослаб, и можно было бороться с остатками огня. В некоторых местах огонь погас из-за недостатка топлива.

Когда опасность миновала, появился король во главе конной свиты, чтобы оценить причиненный ущерб. Сгорела дотла бóльшая часть домов на юго-западе города, между мостами. Там остались стоять лишь черные печи и выгоревшие каменные дома.

Дагвинд только что закончил бинтовать сильно обожженную женщину, как услышал топот копыт. Он поднялся на но-

³⁶ Парикмахеры в те времена были также и врачами.

ги и обернулся.

Менее чем в пяти метрах от него в седле крупного коня сидел король Густав II Адольф. Дагвинд ладонью убрал сажу из глаз, выпрямился и посмотрел в глаза своему властителю.

– Подойди ко мне, лекарь! – сказал король, вынув свой кошель. – Ты достоин поощрения за свою добрую работу.

– Нет необходимости, ваше величество, – ответил Дагвинд Мартинссон. – Иметь работу – достаточная награда!

– Мне знаком этот голос, – воскликнул Густав Адольф. – Боже мой, да это же Дагвинд! Что ты здесь делаешь? Разве ты не в Лифляндии?

– Нет.

– Когда ты вернулся?

– Я в Стокгольме с тех пор, как отчитался за то, что произошло в Або.

Король ничего не сказал. Он пристально посмотрел на своего испачканного сажей и обгоревшего подданного. Затем он развернул коня и поскакал назад той же дорогой, что привела его сюда, – мимо дымящихся пожарищ, на которых копались в золе люди в поисках уцелевшего имущества.

Глава восьмая

В мире вот уже десять лет шла война, и настала очередь Дагвинда Мартинссона пережить отведенную ему в ней долю.

В 1618 году богемцы подняли восстание против династии Габсбургов, а год спустя они избрали королем вожака евангелистов Фридриха Пфальцкого. Но королем он пробыл лишь до ноября 1620 года, когда восстание было подавлено генералом Тилли в битве при Белой горе недалеко от Праги.

Фридрих был вынужден отправиться в изгнание. В 1623 году войска католиков заняли пфальцские наследные земли, и пфальцское курфюрстерство переехало в католическое герцогство Баварии.

Английский король Яков I, которого на родине звали Джеймс I, занял между тем сторону своего зятя Фридриха Пфальцкого, и Нидерланды и северогерманские земли почувствовали угрозу со стороны католической лиги, вступавшей в Северную Германию.

Война превращалась в войну престолов, где объединенные немецкие государства в определенных ситуациях поддерживали противную сторону, опасаясь, что кто-нибудь из союзников получит слишком большое влияние. В 1625 году король Дании Кристиан с подачи Франции и Англии решил вмешаться в войну. Датская армия была разбита при

городе Луттер-ам-Баренберг в 1626 году. Королевские войска заняли Ютландию, захватив бóльшую часть побережья Балтийского моря, в то время как королевский главнокомандующий Альбрехт Валленштайн, сменивший Тилли, осадил Штральзунд.

Захватив в 1621 году город Ригу в Лифляндии, король Густав Адольф пять лет спустя перенес театр военных действий в нижний Вайхзель. Во время прусской кампании король научился оригинальному военному искусству, особенно в области тактики.

Твердая внешняя политика короля, направленная на превращение Швеции в великую державу, имела большое значение и для внутренней политики. Было заложено много новых городов, он следил за тем, чтобы создавались торговые компании, развивались железные промыслы, и все это для того, чтобы добывать деньги на войну. Густав Адольф знал, что со временем вражда стихнет и для мирных и военных целей потребуются знающие, образованные люди. Поэтому он позаботился о том, чтобы реорганизовать университет в Упсале.

Граф Аксель Оксеншерна сохранил свое влияние на Густава Адольфа, точно такое, какое он имел при Карле IX. Что же касается Дагвинда Мартинссона, король долгое время не имел никакого представления о том, что случилось с этим юношей из Эргрюте.

Король не был глуп. Оксеншерна до самого конца хода-

тайствовал о пощаде для Вильгельма Поссе, и это было понятно Густаву Адольфу, так как он знал, что эти двое долгое время были близкими друзьями. Однако на этот раз король пошел против своего советника. Если бы предатель остался жив, это могло быть нежелательно истолковано.

Поначалу Густав Адольф не понимал, почему Оксеншер-на так поступил с Дагвиндом Мартинссоном, но вскоре после того, как он повстречался с юношей на улице после большого пожара, он получил недостающую информацию, и связь между Дагвиндом Мартинссоном, Эмилией Поссе и Вильгельмом Поссе стала очевидна.

– Государство потратило кучу денег на образование Мар-тинссона, – сказал король своему государственному секретарю. – Этот молодой человек умен и предприимчив, хоть он и не проявил свою мудрость, связавшись с Эмилией Поссе.

Оксеншерна поднял брови, но промолчал.

– Валленштайн идет к Штральзунду, – продолжал Густав Адольф. – Там нужен человек, который мог бы взглянуть на ситуацию свежим глазом. Таким человеком будет Мар-тинссон. Ему надо поехать туда под маской фельдшера. Парень смыслит в медицине. Я сам видел, как он работает бра-добреем. Он с честью с этим справится.

Таким вот образом Дагвинд Мартинссон три месяца про-вел в древнем ганзейском городе Штад у Штральзунда, на-против острова Рюген. В его распоряжении была старая по-трепанная квартира возле рынка Альтер-Маркет. Чтобы ни-

кто не заподозрил, что он не тот, за кого себя выдает, он каждый день несколько часов оказывал врачебные услуги шведским офицерам. Простые солдаты должны были довольствоваться услугами других фельдшеров в гарнизоне.

Каждый день, окончив прием, он бродил по Штральзунду, любовался старинной ратушей с ее проваленными декоративными фронтонами, слушал звон колоколов трех старинных церквей – Николая, Марии и Якова.

Его вскоре стали узнавать в маленьких пивных на окраине города. Когда посетители узнали о его профессии, они стали подходить к нему, усаживались за его стол и рассказывали о своих болячках. Зачастую он был в силах помочь им, немного смягчая их муки и разговаривая с ними. Было нетрудно перевести разговор на войну, и пришедшие из окрестных селений многое ему рассказывали о солдатах Валленштайна, их численности и передвижениях.

Когда Дагвинд возвратился в Стокгольм на корабле, который был так изношен и пропускал столько воды, что было невозможно понять, почему он еще на плаву, у него было полно сведений о планах германского военачальника.

Король со своим генеральным штабом принял к сведению рассказанное, которое должно было принести большую пользу, когда отряд кораблей будет послан в Штральзунд для облегчения сложного положения шведов.

Дагвинд какое-то время был свободен и мог видеть, что многое из уничтоженного пожаром стало возрождаться.

На пожарах появлялись новые улицы, которые были прямее и шире прежних, а вновь построенные на них дома – солиднее.

Дагвинд возобновил свои прогулки по городу. Посетив верфь, он увидел, что Хенрик Хюбертссон де Грот не врал, говоря о новом корабле «Васа», новой регалии, заказанной королем. Он стоял уже на воде, готовясь к выходу в море.

Корабль был красив и высоко возвышался над водой. «Скорее всего, он будет быстроходным парусником, – подумал Дагвинд. – И это хорошо, а то шведское владычество на Балтике требует все более скорых связей между материком и различными провинциями». Эти провинции были головной болью королевства. В случае захвата врагом они будут препятствовать оказанию им помощи или, по крайней мере, задерживать ее.

Требовались хорошие суда, так как старый флот Густава Адольфа не всегда был готов выйти в море. Во время польской войны король горько жаловался на то, что корабли воевали с большой течью, подчас без мачт и парусов. Было авантюрой перевозить большие массы народа через море.

Дагвинд довольно часто бывал на корабельной верфи, следя за тем, как расцветал новый корабль.

Король и его ближайшие советники тоже думали о новом корабле «Васа», хотя не столько о его красоте, сколько о мощи. До дворца дошли плохие слухи, утверждения, заставлявшие Густава Адольфа ходить взад-вперед по комнатам, бес-

престанно призывая к себе советников.

– Я очень полагаюсь на мастера де Грота, – сказал король Оксеншерне. – Он знает свое дело. Однако меня беспокоят вести о том, что Валленштайн направил экспертов в судостроении, которые проникли на верфь и вмешиваются в строительство «Васы».

– Мы очень тщательно проанализировали эти слухи, – ответил канцлер. – Пока что мы не нашли ничего подтверждающего их соответствие действительности. Да и как можно навредить «Васе»? Он под крепкой охраной солдат и работников.

– И все же я беспокоюсь, – настаивал король. – Корабль скоро будет полностью оснащен. Ничто не должно с ним случиться, ведь это королевская регалия. Абсолютно ничего. Пришлите сюда Мартинссона!

Он вернулся в свои покои, чтобы отдохнуть, однако в мыслях короля покоя не было. Время было тяжелым. В тот год вооружение военных кораблей началось необычайно рано. Уже в марте риксадмирал Юлленгельм имел у Альвснаббена в южных шхерах флот из одного большого, восьми средних и пары небольших кораблей, готовых выйти в море. В начале апреля эскадра вышла в направлении Пиллау и Данцига, чтобы установить блокаду. В мае адмирал Клас Флеминг вышел со своими кораблями, чтобы соединиться с Юлленгельмом. С ним был и король. Теперь вот король вернулся в Стокгольм, но лишь на время.

Он должен возвратиться назад, так как все говорило за то, что Валленштайн планирует выйти в море с множеством кораблей. Это беспокоило, и король знал, что надо готовиться к худшему. Теперь каждый корабль был на счету, и король вернулся, чтобы призвать к себе своих советников и поторопиться со строительством шведского флота.

– Проследите, чтобы «Васа» был готов! – приказал он.

Густав Адольф знал, что форсировать строительство корабля рискованно, но что было делать? Теперь вот он сидел и размышлял в одиночестве. Усталость брала свое, и он стал кивать головой. Минуту спустя он заснул и не просыпался до тех пор, пока в дверь не постучали и не сообщили, что прибыл Дагвинд Мартинссон.

Королю не надо было долго объяснять, что он хочет. Дагвинд Мартинссон стоял посередине комнаты со шляпой в руке и слушал. Все было ясно и понятно, вопросов не было.

– Это важно, – наконец сказал Густав Адольф. – Помимо как от Бога, благополучие королевства зависит от его флота!

Глава девятая

В народе бытовало выражение: «В Швеции с хворобой стыд и срам: ждет заболевший больницы палату, а получает кирку да лопату».

Дагвинд Мартинссон считал этот стишок мерзким, поскольку в нем утверждалось, что у заболевшего нет никаких шансов на выздоровление. Единственное, на что мог рассчитывать бедняга, это хорошо вырытая могила.

Он поднялся на борт корабля «Васа» со своей котомкой в руках. В ней были рвотное средство, сухой горох для приготовления отвара, клистирная спринцовка, несколько острых ножей и ножниц. Теперь, когда он был на борту официально в качестве фельдшера, он должен был соответствовать. Экипаж имел право на бесплатное лечение всех болезней, кроме сифилиса – болезни, имевшей много названий: сифон, генерал, французская, испанская или неаполитанская болезнь. Болеть им было позорно. Еще в 1612 году Густав II Адольф в своем распоряжении мастеру Маркусу Брадобрю писал, что лечение всех заболевших на судне должно быть бесплатным, «кроме заболевших сифилисом, или французской болезнью».

Как и у всех остальных фельдшеров, у Дагвинда имелось средство и от этой хворобы, ибо подцепившие французскую болезнь охотно платили, чтобы от нее избавиться. Это зло

прогонялось на борту отваром из древесины тропического дерева гуайява. Но этого было недостаточно: в течение пятнадцати дней следовало смазывать нижнюю часть живота больного камедью, свинцовыми белилами, терпентином и ртутью.

Дагвинд спустился под палубу, чтобы ознакомиться с имевшимся там медицинским оборудованием. Оно целиком помещалось в большую деревянную бадью, и это его немного разочаровало. В бадье были лишь несколько деревянных ложек, терка, ступка, а также мутовка, разливной кран, таблетница, оловянная фляжка и керамическая кружка.

– Негусто, – сказал он сопровождавшему его старшему боцману Перу Бертильссону. – Остается лишь Богу молиться, чтобы в рейсе не было серьезных больных.

– Когда мы придем в Альвснаббен, там будут медицинские наборы, которые мы возьмем на борт, – ответил Бертильссон. – В них есть инструменты для кровопускания и пилы для ампутации. Мастер будет доволен!

Мастер! Да, теперь он был для всех мастером. Никто не подозревал, что на самом деле Дагвинд очутился на судне для того, чтобы шпионить за экипажем. Подозрения короля, что на корабле есть саботажники, должны быть подтверждены либо опровергнуты.

– Обойду судно и посмотрю на народ на борту, – сказал Дагвинд. – Если увижу больного, он должен быть тут же спи-

сан на берег, а вместо него надо взять здорового.

— На это надо время, — выразил свое мнение старший боцман. — Когда мы выйдем в рейс, на борту будет уже пара сотен человек.

— И все же надо это сделать, — объяснил Дагвинд.

Они расстались на верхней пушечной палубе, и Дагвинд начал свою инспекцию. Развлечения ради он начал считать пушки на борту и насчитал шестьдесят четыре штуки.

Он знал, что экипаж состоит приблизительно из ста тридцати человек, но на тот момент на борту были также близкие моряков — женщины и дети. Здесь не было ничего необычного, так как в корабельном уставе говорилось: «А коли кто пожелает иметь при себе свою жену, это дозволено в Стрёмене и в шхерах, но не в рейсе супротив врага».

Он протиснулся меж людей и вновь оказался в глубине судна. Там шла погрузка на борт последних бочек и ящиков с провиантом, который распределялся по кладовым с соленьями и прочими запасами. Он отметил про себя, что все крепилось по-штормовому, как это положено на военном корабле.

Когда Дагвинд взошел на борт, погода была прекрасной и все вокруг было спокойно и красиво в этот августовский воскресный день. Ветер дул с юго-запада, не такой уж и крепкий, когда корабль медленно передвигался на тросах вдоль набережной Шеппсбрун. На ней толпа людей глазела на новый мощный корабль королевства, одновременно пугаясь

и восхищаясь большим позолоченным львом на носу «Васы».

С верхней палубы доносился топот шестнадцати матросов, ходивших вокруг шпиля и выбиравших истекающий водой толстый якорный канат, ползущий в якорный клюз³⁷. Через один из открытых пушечных портов³⁸ Дагвинд видел, как вельбот – большая судовая спасательная шлюпка – увозил второй якорь, предназначенный для буксировки корабля с помощью шпиля.

Скоро «Васа» будет в проливе Шлюссен, и экипаж готовился к постановке парусов.

Дагвинд опускался все ниже в чрево корабля. Внезапно он почувствовал небольшой крен. Крен был небольшим, но у Дагвинда было такое чувство, что его не должно было быть вообще.

Что-то было не так.

Вдруг до него дошло, что если кто-нибудь желал причинить «Васе» вред, то его не надо было причинять именно сейчас. Вред, видимо, был уже причинен.

Рейс готовился еще с весны. Тогда на борт погрузили балласт.

Балласт!

Естественно. Именно балласт заставил корабль накреститься, именно из-за него «Васа» стоял так высоко над во-

³⁷ Отверстие в палубе, через которое проходит якорный канат.

³⁸ Закрывающийся вырез в борту судна, через который стреляла пушка.

дой.

На этом низком уровне Дагвинд больше не встречал людей. Все, кто мог, были на палубе, чтобы в последний раз и надолго полюбоваться красивыми видами столицы.

Он спустился еще ниже. Там лежала огромная гора камней, число которых должно было гарантировать, что центр тяжести у «Васы» будет низко. Все выглядело так, как следует. Внезапно «Васа» вновь покачнулся. Крен мог быть и естественным. Дагвинд знал, что капитан Сёфринг Ханссон должен был облегчить маневрирование на выходе на чистую воду, протянув перлинь³⁹ за кормой. Он должен был помочь развернуть судно на восток и лечь на заданный курс.

Дагвинд услышал команду: «Все наверх! Паруса ставить!» Матросы стояли наготове у шкотов⁴⁰, фалов⁴¹ и брасов⁴², и он услышал шипящий звук, когда упали с реев вниз и надулись от ветра фор-марсель и грот-марсель⁴³.

– Поставить фок⁴⁴ и бизань⁴⁵! – раздался резкий крик сверху.

Еще один наклон корпуса судна. Наполнились ветром че-

³⁹ Толстый трос.

⁴⁰ Трос для управления парусом.

⁴¹ Трос для поднятия и опускания реев.

⁴² Трос для разворачивания реев для перехода на другой галс.

⁴³ Большие, вторые снизу паруса соответственно на фок- и грот-мачте.

⁴⁴ Нижний парус на фок-мачте.

⁴⁵ Парус на задней мачте.

тыре поднятых паруса – менее половины парусов, которые было способно нести судно. С места сдвинулся один из камней балласта.

Что-то явно было не так.

Он вскарабкался на кучу балласта и сдвинул в сторону один из огромных камней. Он получил точно удар в сердце, когда увидел доски под камнями. «Васа» стал набирать ход, когда был отдан кормовой конец⁴⁶. Порыв ветра наполнил паруса, и подо львом на носу зажурчала вода.

Дагвинд боролся с камнями, откатывая один камень за другим, и наконец освободил одну из досок под балластом. Он поднял ее и увидел огромное пустое пространство, которое должно было быть полностью заполнено балластом.

Он чуть не закричал. Но из горла вырвалось лишь бульканье, и он бросился по трапам вверх, чтобы найти капитана Сёффринга Ханссона. Когда он был на полпути, корабельные пушки произвели приветственный шведский салют⁴⁷, после чего он был уже на палубе. Корабль вновь качнулся от порыва ветра, пришедшего с гор на юге. И снова выпрямился.

Дагвинд отыскивал глазами капитана и увидел его вдалеке на корме. Там стояла плотная толпа, и ему пришлось продираться сквозь нее.

– Смотри, куда прешь, бузотер! – крикнула ему одна толстуха, когда он оттолкнул ее в сторону, чтобы пройти. –

⁴⁶ «Концом» называют на судне любую веревку.

⁴⁷ Два пушечных выстрела.

Не только у тебя есть право быть здесь!

Не прошел он и пары метров, как налетел еще один порыв ветра с гор. Судно сильно накренилось, неожиданно сильно. Послышалось несколько громких команд, и матросы поспешили отдать марсель-шкоты⁴⁸.

Ему осталось не более двадцати метров до капитана, стоявшего в окружении своих близких. Но на его пути было много народу, не желавшего сдвинуться с места. Все громко говорили и смеялись. Дагвинд понял, что его крик капитан не услышит. Поэтому он попытался пробиться сквозь толпу.

Новый порыв ветра с берега поднял воротник камзола. «Васа» накренился и на этот раз не выпрямился. Наклон его был все круче. Вода устремилаь внутрь через открытые пушечные порты, и крен становился все сильнее.

Теперь народ кричал уже от страха. Он пытался перейти на задравшийся вверх борт, но внезапно наклон палубы стал настолько крутым, что по ней было невозможно пройти. Гордый корабль почти полностью лежал на боку.

Дагвинд понял, что было слишком поздно. Он почувствовал, как его кто-то сильно толкнул, и прежде, чем он мог что-то сказать, он был уже в холодной воде вместе с массой других людей. Со всех сторон он слышал крики. Он видел, как женщина вдалеке держалась на воде благодаря воздушному пузырю, образовавшемуся из ее одежд, но воздух вышел из этого пузыря, и ее крик ужаса тотчас умолк, когда

⁴⁸ Отпустить веревки, державшие парус надутым.

она исчезла под водой.

Дагвинд и сам боролся за жизнь. Он так и не научился плавать иначе, как по-собачьи. Теперь он понял, что этого было недостаточно. Одежда намокла и стала тяжелой, а сапоги, казалось, тянули его в пучину.

Он выпрыгнул из воды, как мячик, сделав глубокий вдох. Затем он попытался стащить с себя сапоги, но, делая это, погружался все глубже. Наконец он скинул обувь, одновременно высвободившись из камзола. В нескольких метрах над собой он видел солнечные блики на поверхности воды. Руки гребли, как лапы, и после нескольких мощных гребков ему удалось подняться повыше.

Легкие готовы были взорваться, и воздух начал вырываться изо рта, образуя пузыри, уплывавшие от него. Он уже подумал, что все пропало, как вынырнул на поверхность и смог снова глотнуть воздуха.

В сотне метров от себя он увидел мачты «Васы», торчавшие из воды. На рангоуте⁴⁹ сидели люди, нашедшие там убежище; он видел также, как множество лодок, вышедших для сопровождения корабля, шли на веслах к потерпевшим кораблекрушение, чтобы спасти их из этой опасной купели.

Ближе к берегу шло судно под голландским флагом, с которого также спустили шлюпку. Она шла в сторону Дагвинда, и он отчаянно замахал рукой, надеясь, что его заметят.

Он почувствовал, что снова тонет. С головы слетела шля-

⁴⁹ Деревянные конструкции, служащие для постановки и несения парусов.

па и стала уплывать от него. Он хлебнул холодной воды, а кашляя, заглотнул еще больше. В глазах потемнело, хоть они и были широко раскрыты. В этой черноте переливались краски, как в калейдоскопе, и теперь он настолько устал, что уже не мог грести руками на собачий лад.

Внезапно он почувствовал резкую боль в боку. На миг он очнулся. Что-то тащило его вверх. Только через несколько секунд он понял, что боль причинял ему багор. Крюк багра зацепился за его рубашку, одновременно разрывая кожу.

Теперь он вновь был на поверхности воды. Дагвинд закашлялся, и его вырвало. Он почувствовал, как его крепко схватили за руку, вытащили из воды и перекинули через релинг. А потом он лежал на дне весельной лодки, хватая ртом воздух. Его еще раз вырвало. Человек в белых штанах крикнул что-то вроде «Готт фердоме!»⁵⁰ и отскочил в сторону, чтобы на него не попала блевотина. Дагвинд безвольно опустился на дно лодки. Он просто-напросто не в силах был подняться.

Он открыл глаза и посмотрел прямо на солнце. Затем он их закрыл и отдался покачиванию лодки, быстро бежавшей на веслах. Слышался скрип трущейся о дерево древесины. Кто-то стал обвязывать его веревкой, и на миг Дагвинду показалось, что он парит в воздухе. Когда веревка затянулась на его груди, его снова вырвало.

После этого вокруг него стало темно.

⁵⁰ «Черт побери!» (по-голландски).

Часть вторая

Голландия

Глава десятая

Дагвинд стоял на носу судна «Эдам ав Горн» и смотрел на полоску берега, проявлявшуюся все отчетливее. Когда его подняли на борт этого голландского судна, принадлежавшего Южной компании, он был почти без чувств, с полными воды легкими. Член экипажа, спасший его от утопления, теперь позаботился, чтобы он освободился от воды и начал снова дышать. Когда он пришел в себя, то сразу попросился на берег, чтобы рассказать своему начальству о том, что он увидел на борту «Васы».

Однако к этому времени «Эдам» уже отошел на значительное расстояние от стокгольмской гавани, и капитан Марникс Аделгонде отказался поворачивать назад. Капитан удивился, узнав, что он спас шведа, говорящего по-голландски, но и это не помогло. Время было весомым фактором для зафрахтованного судна, и коль Дагвинд Мартинссон не мог сказать, почему ему было так важно высадиться на берег, Марникс заявил, что он ничем не может помочь.

– Если мы встретим какое-нибудь судно, идущее в Стокгольм, мы постараемся переправить тебя на него, – сказал он.

Но такого судна они не встретили. Они были в рейсе уже более недели. «Эдам» вошел в Ваддензе⁵¹, и паруса обвисли, когда он оказался с подветренной стороны больших островов. Пред взором Дагвинда возникли Нидерланды, и настроение его немного испортилось. Дома, в Швеции, должно быть, думают, что он умер, утонул при кораблекрушении «Васы».

К этому времени большинство из тех, кто дал ему задание выявить диверсантов, проникших на борт «Васы», были уже на пути к театру военных действий на севере Германии. Докладывать было некому. В особенности потому, что ему было строго приказано докладывать только устно. Теперь вот он стоял, обдуваемый слабеющим ветром, и смотрел на побережье Фрисландии. Он уже бывал здесь раньше, но тогда это было по его доброй воле.

Нидерланды имели особенную, почти треугольную форму; их земли были окружены Германией, Францией и Северным морем. Они были разрезаны на куски реками Рейн, Маса и Шельда, которые при впадении в море разветвлялись на множество протоков. Фрисландия была одной из семнадцати провинций Нидерландов. Каждая провинция и каждый крупный город были относительно самостоятельными

⁵¹ Ваддензе (нидерл. Waddenzee) – залив Северного моря между Западно-Фризскими островами и северной частью Нидерландов.

единицами в королевстве. Каждая имела свое правительство и собственную армию. Когда победоносные римские легионы Цезаря дошли до этих мест, им пришлось подавлять галлийских кельтов и германских тевтонов. Упорное сопротивление римскому владычеству оказали германские народы, главным образом храбрые фризы и батавы. Сломив сопротивление кельтов, римские легионы на протяжении более чем пятидесяти лет были вынуждены вести непрерывные войны с германцами. Наконец они завоевали эти земли и спокойно правили ими несколько столетий. Римляне вырыли каналы, построили дороги и соорудили дамбы, защищавшие наиболее низкие места от моря. Они построили укрепления во всех важнейших местах, вокруг которых впоследствии выросли первые голландские города. Расцвели торговля и сельское хозяйство, ремесленные промыслы.

Однако римское владычество пало, ведь нет ничего вечного на земле. Тогда с востока вторглись германцы, а с юга – франки. Города и села были сожжены и разрушены. Вся римская культура подлежала искоренению. В последовавшие за этим времена страна была поделена между франками, саксами и фризами. Именно оттуда произошли особенности диалектов, обычаев и народных сказаний в этих районах. Фризы поселились вдоль побережья на севере – от Везеля на востоке и до реки Шельды на западе. Саксы поселились в восточной и юго-западной частях страны, а франки

заняли земли к югу от Зюдерзе⁵².

Со временем самыми сильными стали франки. Город Утрехт стал епископальным церковным центром, хотя население до последнего противилось крещению. Самыми твердолобыми в этом отношении были фризы. Однако они напрасно шли против Бога и церкви, так как с юга пришло и кое-что хорошее. Монастырские научили народ, как лучше обрабатывать землю, торговля и мореплавание также начали развиваться. В правление Карла Великого строились мосты, дороги и каналы. Он позволил провинциям иметь свое собственное правительство – «gouw», или «honderchap», – подчиняющееся центральному правительству.

В последовавшие за этим столетия шли войны, но под конец страна была разделена на провинции: Северная и Южная Голландия, Зеландия, Утрехт, Фрисландия, Гелдерн, Овер-эйссел и Гронинген. Впоследствии они получили общее наименование Голландия. Это название, возможно, произошло от немецкого слова «holz», означающего «дерево», так как в давние времена здесь стояли большие леса. Но Голландия могла произойти также от старого голландского слова, означающего «дальняя страна». И в эту дальнюю страну сейчас и направлялся Дагвинд Мартинссон.

Торговое судно «Эдам», разрезавшее вот уже несколько часов волны Вадензе, вошло в Зюдерзе и обогнуло мыс, воз-

⁵² Зейдерзе, устар. Зюдерзе (нидерл. – «южное море») – бывший мелководный залив в Северном море, в северо-западной части Нидерландов.

вещавший, что они находятся уже в озере Маркермер. В том месте, где оканчивался мыс, в глубине укромной бухты был пункт их назначения – город Горн, считавшийся важнейшим во всей Западной Фрисландии центром торговли и мореплавания.

Дагвинд вдруг заметил, что у релинга он был не один. Он испуганно обернулся и заглянул в сине-зеленые глаза капитана Аделгонде, излучавшие спокойствие и внушавшие доверие.

Матриксу Аделгонде еще не исполнилось тридцати, но, как утверждали, в море он ходил с пеленок. Если бы не его дубленное штормами морщинистое лицо, он бы выглядел довольно обычно и невзрачно, чему во многом способствовало то обстоятельство, что он был низкого роста и худ, как щепка.

На судне болтали, что, когда капитан Аделгонде сходил на берег, он казался неуклюжим, все у него валилось из рук и вообще он вел себя странно. Кто видел его впервые, мог подумать, что он ни на что не годен, хотя выглядел хорошо воспитанным и считался отпрыском знатного рода.

Но внешний вид бывает обманчив. В море он знал, что в каждом случае надо делать. Он жестко командовал своим экипажем, но жестче всего относился к самому себе.

– Все выглядит спокойно и мирно, не так ли? – сказал он Дагвинду.

– Да, действительно.

– Пусть это тебя не обманывает. Это на поверхности все тихо, а в глубине все кипит. Идет борьба за независимость, не менее кровавая, чем в соседних странах. После убийства Вильгельма Оранского началась борьба за власть, в которой победил его сын Мориц. Никто не знает, сам он этого добился или кто-то ему помог, а тот, кто знает, молчит. У нас был сильный и хороший государственный деятель, знавший толк в торговой политике Голландии. Его звали Олденбарневелт, но Мориц позаботился, чтобы его приговорили к смерти и казнили девять лет назад. Тогда-то и началось брожение в народе, и теперь наша вооруженная борьба за свободу идет уже пять лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.